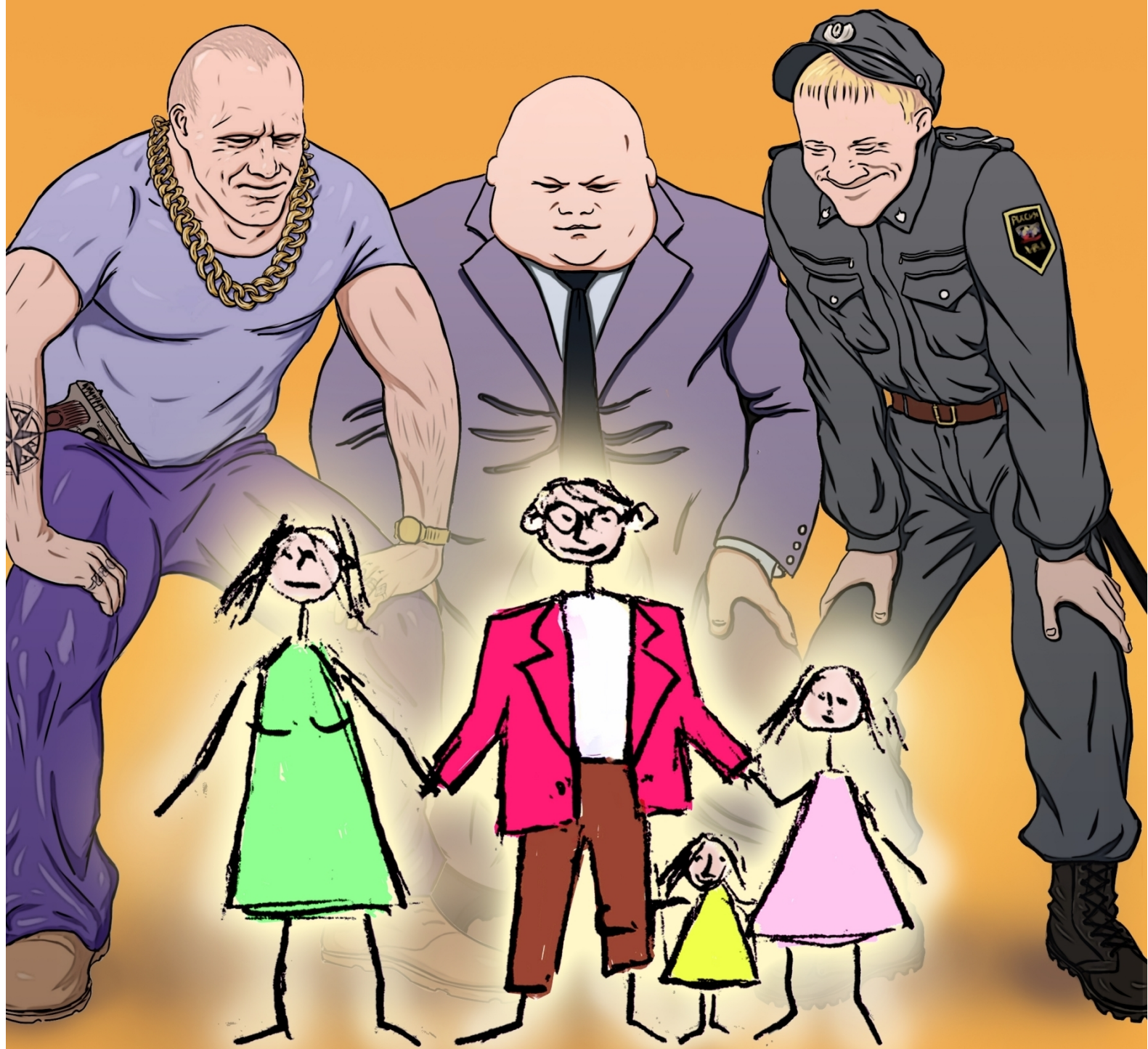

ЭДУАРД СРЕБНИЦКИЙ

ТАКОЙ ЖЕ МАЛЕНЬКИЙ, КАК ВАШ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Лихие девяностые... смешные девяностые

Эдуард Сребницкий
Такой же маленький, как ваш

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Сребницкий Э.

Такой же маленький, как ваш / Э. Сребницкий — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Все книги из разряда невыдуманной литературы (non-fiction) дают либо знания, либо умения – чему-нибудь учат. Кроме этой. Эта книга не учит ничему. Но зато она дарит эмоции! Ибо содержит истории из жизни «малого предпринимателя», коим довелось стать автору книги в девяностые годы прошлого века. В те самые «лихие девяностые». Или, может быть, – в смешные девяностые? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Предисловие

Добрую часть своей потенциально счастливой жизни я отдал малому бизнесу. В нём я прошёл путь от крохотной торговой точки до десятка магазинов в двух российских регионах, прежде чем разорился в экономический кризис две тысячи восьмого, и кто его знает, когда он наконец кончится, года. Мне не идут на ум никакие другие слова, кроме упреков в адрес самого себя, покупателей, правительства и мировых финансовых аферистов. Второй месяц я ищу работу и выражаю недовольство слепцами-работодателями, не могущими разглядеть в не столь молодом уже претенденте ценного для них сотрудника.

А ведь у меня есть то, чего нет у дерзкой, напористой, но неискушённой молодёжи: опыт «малого предпринимателя», который можно сравнить лишь с опытом невзначай оступившегося, но настырного сапёра, способного оставшимися конечностями обезвредить теперь любую мину. И если найдётся работодатель, согласный узнать больше о моих достоинствах, я ничего не буду ему рассказывать, а просто оставлю эту книгу с описанием начальных лет своей предпринимательской деятельности, которые пришлось на годы, названные позже «лихими девяностыми». А потом буду дожидаться скорого звонка с предложением самой заманчивой должности.

Впрочем, пока предложений нет, предоставляю эту книгу вам. Только читайте быстрее, я чувствую, меня вот-вот должны пригласить на собеседование в какую-нибудь приличную фирму.

18 мая 2011 г.

Когда-то бизнес огромных ныне компаний был такой же маленький, как ваш.
Из рекламы услуг банка для малого бизнеса.

Глава 1

Как всегда, вначале что-то было. В нашем случае – письмо.

«Здравствуй, Гена!» – написал я.

Нет, вначале было письмо от него, от Гены. «Здравствуй, Эдик», – написал он.

Гена Григорьев – это мой университетский товарищ, а ныне журналист, писатель и драматург. Я же, соответственно, его товарищ – предприниматель... даже не знаю как сказать: «малый предприниматель» – звучит несерьёзно, «субъект малого предпринимательства» – смешно. Короче, у нас с женой небольшая розничная фирма. Мы живём в областном городе Сбокове, названном так в честь большевика-революционера Ильи Митрофановича Сбокова. А, возможно, кому-то наш город больше известен под своим старинным именем Бродинск. Находится же он, хоть и в европейской части российского государства, но уже почти на северной её окраине. Сюда пятнадцать лет назад нас, молодую семью журналистов, пригласил на жительство местный молодёжный жилой комплекс – МЖК.

А Гена с семьёй живёт на Южном Урале, в городе Магнитогорске. Туда в своё время его пригласила работать в газету местная политическая группировка. Мы с Геной давно не виделись, раньше получалось, а последнее время не виделись. И он написал письмо. А я ответил. Рассказал про нашу жизнь, где представил самые что ни на есть зарисовки с натуры.

«У нас с Олей, – писал я, – практически всё время занимает фирма: несколько симпатичных, на наш взгляд, отделов по продаже лечебной косметики и товаров для здоровья. Забот не перечесть. Надо с каждым поставщиком согласовать ассортимент, цены и прочее. Потом оплатить товар, потом ждать его прихода. Бывает, ждать приходится долго. И про это, кстати, можно рассказать подробнее.

Транспортная фирма должна была передать нам в Сбокове с ночным почтово-багажным поездом коробки из Москвы. Встречать поехал наш сотрудник Глушков. Он съездил, но получил только часть груза: остальное проводник в вагоне не нашёл, и поезд отправился дальше! На следующий день у меня раздался телефонный звонок.

– Аллё! Аллё! Это Глушков?

(Связь была плохая, через железнодорожный коммутатор).

– Нет.

– Аллё, это Глушков?

– Нет.

– А кто?

– Сребницкий.

– Как? Не пойму.

– ...Эдуард!

– Это проводник товарного вагона. Мы с Глушковым коробки ночью не нашли.

– Это вы не нашли.

– Что?

– Вы не нашли в своём вагоне наши коробки.

– Ну да. Так вот, я сейчас нашёл.

– Рад за вас.

– Что?

– Рад за вас!

– Ага. Так мы сейчас в Глазове, я постараюсь с кем-нибудь договориться и отправить груз встречным поездом к вам. И обязательно позвоню.

– Это было бы очень хорошо, будем ждать!

Прошло два дня. Вновь раздался звонок.

– Аллё! Это Глушков?
– Нет.
– А кто?
– Эдуард.
– Кто?
– Эдуард!
– Передайте Глушкову, чтобы он не беспокоился, груз у нас.
– Хорошо, передам.
– Мы уже на Урале, в Екатеринбурге, я постараюсь с кем-нибудь договориться и отправить груз встречным поездом к вам.
– Вы же хотели из Глазова отправить.
– Что?
– Хотели из Глазова отправить!
– Хотели, но не получилось. Постараемся отправить из Екатеринбурга. Я обязательно вам позвоню.
– Будем ждать.
Прошла неделя.
– Аллё, аллё! Это Эдуард Глушков?
– ...Хм ...Да!
– Это проводник. Я звоню из Тюмени. Не волнуйтесь, ваш груз у нас. Постараемся отправить его встречным поездом!

Проходили дни и недели (почтово-багажные поезда идут долго), а проводник всё звонил. Он звонил из Иркутска, Хабаровска, Владивостока, потом опять из Иркутска, Тюмени и наконец снова из Екатеринбурга.

– Мне бы Глушкова! – раздался в трубке знакомый крик.
– Глушков у аппарата, – устало ответил я.
– Что?
– То! Глушков – вас – внимательно – слушает!!!
– Ага. Мы уже в Екатеринбурге и через пару дней будем у вас, встречайте! Но я ещё позвоню!

Два дня мы сидели как на иголках, не хватало ещё пропустить обратный поезд и опять остаться без товара.

И проводник позвонил.

– Вы где?! – запаниковал я. – В Сбокове? Почему не позвонили раньше? Сколько стоянка?

– Мы в Москве! Слышите? Уже в Москве! Вагон прицепили к составу, который шёл южной дорогой. Я постараюсь договориться и отправить груз к вам. Не волнуйтесь!

И правда, чего волноваться? Я бы не удивился, если б спустя годы услышал по телефону:

– Аллё, это Глушков?! Не волнуйтесь, я в раю, но постараюсь с кем-нибудь договориться и отправить груз к вам!

К счастью, так долго ждать не пришлось. С кем-то он всё же договорился, и продукцию мы наконец получили. Правда, из-за длительной перевозки у неё истекал срок годности. Еле-еле мы тогда её продали!»

Ещё я рассказал Гене про наших детей. Их у нас двое, Ксюша и Полина.

«Ксения, – писал я, – гимназистка, учится в гуманитарной гимназии. Полина ходит в детский сад. У них в детском саду сейчас мода на переводные татуировки, поэтому все дети, включая мою дочь, лепят себе «тату». Я как-то раз пришёл её забирать (обычно ходит Оля) и испугался: то ли в детском саду, то ли на зоне».

А ещё я поздравил Гену и его семью с Пасхой – в тот день была Пасха – Христос воскрес! И, как положено, передал привет.

С Геной Григорьевым мы познакомились в Екатеринбурге, тогда ещё Свердловске, где учились в Уральском госуниверситете на факультете журналистики. Познакомились так: он пригласил меня в «колхоз» комиссаром. Сам Гена ехал командиром, его друг, а в последствии и мой хороший товарищ Толя Феокистов – полевым командиром, а меня Гена пригласил комиссаром. Втроём мы составили в тот год комсостав отряда.

«Колхоз», о котором я веду речь, был не то, что «колхоз» в других вузах и даже на других факультетах, наш был особенный. Нет, конечно, с одной стороны, это была как у всех ежегодная осенняя повинность: целый месяц впахивать на полях так называемых «подшефных хозяйств», убирая картошку. Но с другой...

С другой, это было неплохо. Знаменитый Кырск! То есть небольшой уральский город Красноуфимск, сокращённо именуемый «Кр-ск», или – «Кырск», в районы которого мы отправлялись каждый сентябрь. Полная студенческая самостоятельность. Разве это плохо? Возможность прилично заработать. Может быть, плохо это? Плюс бонус: то, что кто-то поименует высокими словами романтика, дружба, проверка на прочность, а мы назовём проще: романтика там, дружба, то да сё. И дисциплина. Железная дисциплина! Комсостав – непререкаемый авторитет, командир – царь и бог. Единственное, что позволялось в отношении командира, это спеть студенческую песенку:

*Дили-дили-дили, колокольчики, ду-ду,
А я сегодня на работу не пойду,
Пускай работает наш Миша (Слава, Женя – ставилось имя командира) дурачок,
А я в общаге закроюсь на крючок...*

В тот год пели:

Пускай работает наш Гена дурачок...

И Гена очень этим гордился.

После Гены командиром поехал Толя Феокистов (я опять комиссаром), а вот на следующий год после Толи командиром должен был стать я! Со мной уже провёл переговоры декан факультета Боб Лозовский (прошу прощения, Борис Николаевич Лозовский – кстати, сам возглавлявший «колхоз» не единожды), я уже рисовал в тетради структуру будущего отряда и предвкушал, как с окрестных полей несётся раздольное:

Пускай работает наш Эдик дурачок...

Но как раз в мой год студенческие «колхозы» отменили.

Так я, значит, поехал с Геной комиссаром. Командир осуществлял общее руководство, полевой командир командовал на полях...

...В Толин «колхоз» взяли мы полевым командиром Витю Ломакина с физфака (отряд наш объединял два факультета: журналистики и физический). Ломакин только окончил первый курс, но со своими обязанностями на полях справлялся неплохо.

И вот в «колхоз» приехала с проверкой администрация университета во главе с самим ректором Суетиным! Мы с Толей бегали вокруг комиссии, показывали ей условия труда и быта студентов, всеми силами старались понравиться. А Ломакин наш в это время выказывал

ректору полное неуважение: на вопросы отвечал сквозь зубы и поглядывал с нескрываемым презрением. Когда комиссия уехала, мы кинулись к Ломакину:

– С ума сошёл? Это же ректор!

– Для вас он ректор, а для меня физик.

– И что, плохой физик?

– Ничего серьёзного, – сплюнул Ломакин. – Теоретик!

...В последний день Толиного «колхоза», когда отряд уже убыл, а мы – комсостав, завхоз и повара – остались, чтобы закончить дела, приехала ко мне из Свердловска Оля.

– Ты вовремя, – сказал я, – сегодня у тракториста Миши прощальный обед по случаю нашего отъезда. Сейчас как раз выдвигаемся.

– А почему у Миши?

– Он наш полевой соратник, а кроме того, душевный человек и гостеприимный хозяин.

Когда мы с ней подходили к дому, дверь неожиданно распахнулась, и на улицу выскочил нетрезвый мужик с красными глазами и тесаком в руке.

– Убью! – орал он.

Мы отпрянули в сторону.

– Убью-ю!

– Кого? – предельно мягко спросил я.

– Жену. А потом тещу!.. – он на секунду остановился. – Нет, сначала тещу! – радость озарила его лицо. – А потом жену!

– Это кто? – в ужасе прошептала Оля.

– А он и есть, Миша, соратник, душевный человек... Миша! – закричал я вдогонку. – Так мы к тебе в гости.

– Заходите! Я скоро вернусь!

И действительно, минут через сорок вернулся и присоединился к застолью.

– Ну, как? – выждав время, осторожно спросили мы.

– Не нашёл, – сокрушённо покачал головой Миша, – спрятались куда-то. Но я их, – он яростно потряс кулаком, – всё равно достану!

Так я, значит, поехал с Геной комиссаром. Командир осуществлял общее руководство, полевой командир командовал на полях, а на мне были вопросы досуга, быта, соревнования, лазарет и прочее. И почта. Я ходил с помощниками на почту, где получал на весь отряд письма и посылки.

– Высылайте посылку на имя Эдуарда Владимировича Сребницкого! – кричали в трубку деревенского телефона те, кто соскучился по домашним сладостям.

– Кому высылать? – слышалось сквозь шум и треск.

– Эдуарду Владимировичу Сребницкому!

– Как?

– Говорю по буквам...

Разумеется, имя моё предоставляло широкие возможности для творчества. Приходили посылки Эдгару Валентиновичу, Вадиму Валерьевичу, Эдуарду Владленовичу. Ну и, конечно, мощный толчок фантазии давала фамилия: в каких только сочетаниях отправители ни представляли в ней буквы! И каждый раз работники на почте с пониманием относились к существующему в нашем отряде несчастью и лишь просили написать заявление, что указанный в отправлении «Альберт Вадимович Скребицкий» это я и есть. Но всё же однажды, посоветовавшись с начальством, посылку выдать мне отказались: в графе «Получатель» значилось – «Фёдору Бревницкому». С тех пор во всех «колхозных» газетах я подписывался исключительно этим именем.

По прошествии уже первой недели пребывания в «колхозе» нам стали поступать жалобы на пропажу личного имущества. Пока пропадали духи, одеколоны и средства от насекомых мы

не очень волновались, ибо знали, что состоящий у нас в отряде Сом, окончивший факультет несколько лет назад, но исправно год за годом приезжавший осенью в «колхоз» то ли заработать, то ли провести время, предпочитал эти напитки всем другим, подававшимся в столовой. Но затем начали пропадать деньги, часы и украшения. И наконец обокрали нас, комсостав!

Под кроватью у Гены стояли коробки с французской тушью для ресниц. Мы купили её в Кырске в обычном магазине. Зашли и не поверили глазам: на прилавке свободно лежала французская тушь! Такое раньше только в районном магазинчике и можно было увидеть: в городах подобный товар практически весь реализовывался «из-под прилавка», а те крохи, что выставались в свободную продажу, разлетались за секунды. Ну, мы, понятно, в Кырске всё скупил: часть на премии в отряд, часть преподавателям на факультет, часть на подарки родственникам и подругам. И теперь оказалось, что наши запасы кто-то изрядно поубавил. Было немедленно начато внутреннее расследование.

Под подозрение попал один из «инвалидов»: вчерашний абитуриент физик Ключин. Он повредил палец и уже несколько дней околачивался в расположении отряда, не выезжая в поле. В лагере находились, конечно, и другие «инвалиды», а кроме того, возчик, художник, дежурные. Но подозрения по ряду причин вызывал именно он. Подозрения подозрениями, а настоящих фактов у нас не было. Мы вызвали Ключина в командирскую комнату и начали «колоть». Ключин не «кололся».

Разговор вели в основном мы с Толей Феоктистовым. Командир Гена, которому принадлежала большая часть украденного, стоял сзади и хмуро наблюдал за происходящим. Мы Ключина увещевали, устрашали, мы врали, что дежурные его видели выходящим из командирской комнаты, и врали же, что за признание ему ничего не будет – Ключин всё отрицал. И даже смутил нас, ибо, действительно, не было похоже, что он в чём-то замешан. Обвинение терпело фиаско. Мы с Толей уже готовы были отпустить подозреваемого, но тут из-за наших спин вышел будущий писатель и драматург Гена Григорьев и, по-отечески глядя на Ключина, с грустью в голосе произнёс:

– Зачем же ты взял чужое, товарищ?

А Ключин усмехнулся и в сотый раз сказал:

– Ничего я не брал!..

Конечно, он бы в сотый раз так и сказал. Но на самом деле всё было по-другому, и я, не желая погрешить против истины, должен рассказать вам, как именно. Итак, ещё раз с третьей цифры.

Мы с Толей уже готовы были отпустить подозреваемого, как вдруг из-за наших спин выскочил Гена Григорьев и, стукнув того в грудь, иступлённо заорал:

– Ах ты, сука, спиз...ил, тушь?!

Это было так страшно и неожиданно, что Ключин побледнел и вдруг... подтвердил:

– Д...да.

– Мою тушь! – взвыл Гена. – Сколько штук?!

Ключин ответил.

– Куда дел?

– Отправил в посылках в Свердловск.

– Что ещё крал?

– Часы... деньги... золото.

– Вот бумага, пиши, где, когда и у кого.

Ключин с трудом взял ручку, лист бумаги и перечислил все свои тёмные дела за недолгое время пребывания в отряде. Дел оказалось значительно больше, чем мы предполагали. С тех пор я не то чтобы одобряю, но с пониманием отношусь к экспрессивным методам допроса подозреваемых и уверен, что использованный Геной приём вкупе с озвученной фразой он вычи-

тал где-то в специальной литературе для следователей, и именно так, выскакивая из-за спин и вопя: «Ах ты, с...», сыщики выводят на чистую воду самых изворотливых преступников.

– Иди, – сказали мы Ключину, – вечером решим, что с тобой делать.

Но вечера Ключин ждать не стал. Через час он сбежал из отряда. Поймали его только через несколько месяцев в Ленинграде, где он с друзьями, которым отправлял посылки из «колхоза», обкрадывал квартиры.

Я был на суде. Родители Ключина оказались приличными людьми, жившими долгое время вместе с ним за границей, то есть относились к тогдашней элите общества. И происшедшее, естественно, не укладывалось у них в голове: как, в нашей семье такое?! Но я-то думаю, что дело здесь в наследственности: возможно, таким же, как Ключин, был один из его предков. Знал я одну семью, все они были Буратино: папа Буратино, мама Буратино, дети Буратино... Нет, не то... Знал я одну семью, все они были приличными людьми: папа приличный, мама приличная, приличные дети. А один сын, младший, воровал чуть ли не с младенчества.

– Не знаем что делать, – разводили руками родители. – У нас ведь родня – люди как люди... кроме папиного дедушки: он всю жизнь воровал!

Теорию дурной наследственности наглядно демонстрируют и мои дети, которые подчас вызывают во мне крайнее возмущение. Ибо, если я один имею некоторые привычки, скажем, подолгу находиться в ванной, это нормально и вполне терпимо, но если в доме ещё кто-то делает то же самое, причём, в самый неподходящий момент – это не лезет ни в какие ворота!

А Ключину дали два года условно. Оказалось, что в момент задержания в Ленинграде он выполнял лишь второстепенную роль, а я, видя, какой оборот принимает дело, и не желая портить жизнь парню, сказал, что, скорее всего, мы ошиблись, и вещи крал не он. Надеюсь, всё у Ключина в будущем изменилось в лучшую сторону, то есть он перевоспитался. Хотя, глядя на своих детей, очень в это сомневаюсь!

Ещё мы с Геной в «колхозе» писали очередную биографию Перловича. По преданию Вавилон Евграфович Перлович, талантливый поэт, гениальный художник, глубокий писатель и острый публицист, близкий друг Аввакума, Пушкина, Булгакова и Малевича, а также декабрист, правый эсэр и активный член Хельсинской группы – был сослан именно в ту деревню Красноуфимского района, где располагался наш отряд. Каждый год мы шумно праздновали день рождения Перловича, посещали его могилу и клялись на ней продолжать дело, за которое он много пострадал.

Одним из важных событий праздника была выставка картин Перловича. Мало кто знает, что задолго до того, как в изобразительном искусстве возникло направление кубизма, Вавилоном Евграфовичем Перловичем было открыто гораздо более революционное направление – параллелепипедизма. Постулаты параллелепипедизма чрезвычайно просты, как всё гениальное: то что есть вокруг хорошего изображалось параллелепипедами, то что плохого – кругами. По традиции центральное место экспозиции занимали два безумно талантливых полотна Перловича: «Летят перелётные птицы», где в безоблачную высь уносилась клином стая параллелепипедов, и «Сталин» – большой, очерченный жирной линией круг с усами и трубкой. Теперь вы понимаете, что это был за художник: какая бездна в глубину и какая глыба в высоту!

А ведь существовала ещё его поэзия! К сожалению, до нашего времени дошло мало поэтических работ блестящего Перловича, но всё же одну из них в тот год нам с Геной удалось восстановить и представить на суд благодарных слушателей. В порыве необычайного вдохновения Перлович писал:

*Старик Державин нас с Пушкиным заметил
И, в гроб сходя, Пушкина благословил!*

Потом, уже после «колхоза», мы с Геной выпустили газету. Была самая заря перестройки, «романтизм» в душах и головах, и преподаватели факультета поручили Гене организовать выпуск первой студенческой газеты, которая бы свободно распространялась в городе. Гена для этой цели организовал меня. Во-первых, узнав, что я еду в Москву, он дал мне некий адрес, куда я должен был сходить и написать материал. Я же не знал, куда. Оказалось, в самое логово опасного вольнодумства: в квартиру московских диссидентов!

Приняли меня там радушно и по-свойски спросили:

– Ну что, где будем беседовать, естественно, на кухне?

– Естественно! – воскликнул я, а сам подумал: «Даже в комнату пригласить не хотят».

И только гораздо позже я узнал, что кухня для диссидентов и есть самое почётное и даже святое место, где они собираются со всякими подобными себе и ведут подозрительные с государственной точки зрения беседы. Я не был подобный им, но, очевидно, имел неплохие задатки, так как в результате посещения написал статью «Изжить политический страх!», которую передал Гене, а он вставил её в газету. Это было во-первых.

Во-вторых, встретил я в Москве одну знакомую. Мы вместе поступали в университет и снимали на абитуре комнаты в соседних квартирах. Выяснилось, что меня она вспоминала с огромным уважением, так как я умел делать нечто для неё непостижимое: жарить яичницу! Я же, применительно к тем дням, больше помнил не собственные кулинарные подвиги, а огромный бак с брагой под своей кроватью. Этот бак беспрерывно источал характерный кислый запах, и из него постоянно и поочерёдно втайне друг от друга зачерпывали то хозяин, то хозяйка, то прибывший после отсидки их сын.

Сдав последний экзамен, мы с двумя приятелями-абитуриентами обмыли это значимое событие, но деньги, как водится, слишком быстро кончились, и тогда я повёл собутыльников к заветному баку. Вначале мы ещё сохраняли представления о приличии и по первой кружке выпили с разрешения хозяйки, а потом нам её разрешения уже не требовалось.

В общем, в тот год я поступил, а моя знакомая нет. И уехала в Москву, где устроилась работать в одну из главных библиотек страны. Встретившись, мы премило поболтали, и она мне поведала между делом, какой у них там бардак, и как оттуда тащат периодику и книги все кому не лень, а я взял про это и написал.

И ещё добавил несколько материалов в том же духе. Когда Гена напечатал газету в черновом варианте, нас вызвали с ним на заседание преподавательского состава и высыпали по первое число. За очернительство, ложные представления о свободе слова и тому подобное. А газету, так и не выпустив, закрыли.

Вскоре Гена женился, перевёлся на заочку, я окончил университет, но связи мы не теряли. И даже ездили друг к другу в гости, я на Урал, он в Сбоков, правда, большей частью совмещая эти поездки с деловой необходимостью.

Пользуясь случаем, хочу попросить прощения у жителей Сбоковской области за существенный урон, невольно нанесённый мной местной экономике. Потому что именно из-за меня прибыл в Сбоков Гена Григорьев, где продал промышленным и торговым предприятиям какое-то невообразимое количество неких железных подставок под телевизоры, которыми он тогда торговал. Проходили годы, а я наблюдал Генины подставки с затёртыми ценниками то в одном месте, то в другом. Думаю, что пострадавшие так и не смогли от них избавиться полностью и, стремясь избежать разорения, сдали хоть за какие-то деньги в металлолом. Правда, есть для сбоковских предприятий и хорошая новость: коммерцией Гена больше не занимается.

Вот этот Гена Григорьев, мой давний студенческий товарищ, и написал письмо. А я ответил. А Гена написал ещё раз. Он сказал, что им с Таней очень интересно было узнать про нашу жизнь, и кроме того, они от души посмеялись. «Так такого смеху, – подумал я, – у нас каждый день хоть отбавляй». И вскоре сел за ответ.

«Здравствуйте, Геннадий, Татьяна, а также Глеб и неизвестная нам Васса! – писал я (дочка Васса родилась у Григорьевых совсем недавно). – Отсылать вам письмо, очевидно, надо на адрес новой трёхкомнатной квартиры. Но я его не знаю, так что отошлю в Генину газету. Так сказать, «Дорогая редакция, хочу обратиться через газету».

Рады, что всё у вас хорошо, и, улучшив жилищные условия, вы подумываете об автомобиле. Мы по-прежнему занимаемся косметикой. Задача эта не из лёгких. Дело в том, что продаём мы косметику не простую, а, как нам кажется, очень интересную. Производят её разные научные учреждения, открывшие свои инновационные фирмы. И в этом состоит первая трудность. Кандидаты-доктора имеют светлые головы в отношении науки и столь же тёмные в плане бизнеса. С производителями массовой продукции гораздо проще, там коммерсанты, они умеют работать: отсрочку – бога ради, рекламу – пожалуйста. Но эти...

– Косметика ваша, – говорю я им, – покупателю неизвестна. Мы продаём её только потому, что сами тратим деньги на рекламу. Так предоставьте хотя бы отсрочку по оплате товара, мы ведь с вами почти три года работаем!

– Нет, – отвечают, – не предоставим. Хотя, если возьмёте в десять раз больше, подумаем.

– Во сколько раз?! Да неужто у вас кто берёт на такие суммы?

– Пока нет.

– Тогда, – говорю в сердцах, – сами давайте рекламу.

– А мы и даём.

И присылают журнал «Остеопороз и остеопатия», где их доктор опубликовал научную статью. Это у них, Гена, реклама! Поубивал бы!

С другой стороны – покупатели. Мы им объясняем: вот, мол, какая продукция, эффективная, эксклюзивная. Они кивают, но берут то, что рекламируют по телевизору. В общем, ситуация напоминает одну историю.

Встретили мы как-то с товарищем знакомого мужика, с которым года четыре назад вместе работали в мебельной фирме. Мужик этот лет пятидесяти, невысокий, коренастый и резкий в движениях, имеет привычку громко разговаривать и так же смеяться. И поскольку всю свою жизнь работает в снабжении, а может, просто по темпераменту, постоянно носится: туда-сюда, туда-сюда, за что получил прозвище «Сквозняк».

И значит, встретили мы Сквозняка, который по-прежнему состоял при той же мебельной фирме.

– Ну, как, – спросили, – дела?

– Всё хорошо, – закричал Сквозняк и принялся рубить рукой воздух, – всё прекрасно! Всё работает, крутится! Мебельную ткань возим, с поролоном проблем нет, доски пилим, сушим, качество отличное, машина есть, цех арендуем, производство, как часы! В общем, всё хорошо!

И как-то странно замолчал.

– Ну? – не выдержали мы.

– Сбыт х...ёвый! – вздохнул Сквозняк.

Мы с товарищем от смеха чуть не задохнулись.

Так же и у нас. Всё работает, крутится, машина в Москву ездит, продукция интересная, продавцы замечательные, офис прекрасный. В общем, всё хорошо. Сбыт х...ёвый!

Но главное, нам нравится! Оля даже в выходные дома сидеть не может, на работу срывается. Может, так и надо? Может, важна не цель, а путь? А покупатели, да бог с ними!

Спасибо, Гена, за твою новую книгу, прочту в ближайшее время. Как-то я был на дне рождения у одного знакомого. Он в юности графоманил, писал поэму. Поэтому, положив руку мне на плечо, сказал гостям:

– Молодец, Эдуард Владимирович! Э-эх, мне бы тоже писать, да времени нет, а вот он (благожелательный взгляд в мою сторону) – находит. Так держать, Эдуард Владимирович!

Так держать, Геннадий Геннадьевич!»

И Григорьевы прислали предложение.

«Слушай, – сказали они, – почему бы тебе не продолжить писать нам письма, а потом их опубликовать? Про ваш бизнес, про вашу жизнь предпринимательскую, про семью? Нам было интересно, наверняка будет интересно и другим».

И я подумал: а ведь в этом что-то есть, особенно касаясь возможности приоткрыть стороннему читателю тайны жизни российского предпринимателя. Манящие, но страшные, должен предупредить я, тайны.

И кроме того, обо всех профессиях люди знают: знают про врачей и учителей, про рабочих и крестьян, про содержателей подпольных притонов и мастеров рукопашного боя. А также про артистов и продюсеров, про милиционеров и бандитов... Про последних, вообще, знают больше всех: каждый из нас уже сам со знанием дела может выйти на охрану общественного порядка или «поставить лоха на счётчик». И только про предпринимателей, и в особенности про индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица (ПБОЮЛ), как это ни удивительно, не знают почти ничего.

Желая исправить это недоразумение, я и начал писать Григорьевым пространные послания. И теперь, когда посланий набралось достаточное количество, в соответствии с замыслом предлагаю их на суд читателя.

Ценным в получившейся рукописи является то, что всё изложенное здесь является правдой. Кто-то из русских писателей сказал, что у него в произведениях многое придумано, и даже там, где описана реальная жизнь, неизменно присутствует вымысел. Так вот, в моём повествовании всё наоборот, в нём нет ни слова вымысла, и все описанные события и ситуации происходили в действительности с реально существующими людьми, в первую очередь, конечно, с нами, со мной и Олей. И тем не менее, несмотря на столь громкое заявление, я вынужден назвать своё произведение художественным. И вот почему.

Вполне вероятно, что кому-то из упомянутых в книге людей это может очень не понравиться, и они тут же подадут на меня в суд, или, что ещё хуже, начнут строить мне козни – по той и другой части у нас есть большие специалисты! А надо мне это? Со всей определённой отвечаю: не надо! Вообще!

На стене соседнего с нами дома краской старательно выведено объявление: «Вывозка мусора. Машины не ставить во вторник, четверг». Потом «во вторник, четверг» зачёркнуто и исправлено огромными буквами: «Не ставить ВАЩЕ!!!»

И кроме того, в своём произведении я не собирался никого обличать, а уж тем более клеймить. Моя задача была предельно проста: рассказать о жизни, которая нас окружает и, может быть, немного посмеяться над ней. Хочу обратить внимание заинтересованных господ: не над ними, а над ней! Поэтому я изменил имена отдельных героев, кое-какие детали, не имеющие большого значения, а также некоторые географические названия, в числе которых, что удручает меня более всего, название нашего любимого города. И официально прошу считать все совпадения, обнаруженные кем-либо на данных страницах, абсолютно случайными.

Прошу также не сердиться на отдельные эпизоды своих друзей и знакомых: всё рассказанное здесь – к ним с исключительной любовью и уважением.

И ещё мне хотелось написать такую книгу, чтобы её могли рекомендовать продавцы книжных магазинов своим покупателям. Однажды я достаточно близко наблюдал этот процесс.

– Чё-то бы почитать такое, – попросила покупательница продавца, как я догадался, свою знакомую.

– Ну, возьми вот эту.

– А хорошая?

– Нормальная. Американец один написал. О жизни там, о политике. Но, знаешь, неплохо так написал, не грузит.

– Я, вообще-то, больше женские книги люблю, они меня не грузят. Вот эту писательницу читала.

– Ты знаешь, а меня она как-то грузит. Не знаю, но почему-то грузит... Женские? А вот эту читала?

– Нет.

– Ты знаешь, ничего так, нормально, не грузит. Возьми.

– Не грузит, да?

– Вообще не грузит.

– Ну, давай.

О, как я мечтаю, чтобы и мой скромный труд удостоился высшей похвалы профессионалов и читателей литературы – «не грузит»! – коего качества в меру сил я пытался достичь! И если в результате мне это удалось хотя бы в малой степени, я бы мог считать себя полностью удовлетворённым, а задачу, поставленную передо мной моими друзьями, с некоторой долей успешности выполненной.

Глава 2

Здравствуйте, Геннадий, Таня и ваши чудесные дети, в чём мы имели возможность убедиться благодаря фотографиям! Итак, я приступаю к исполнению обещанной угрозы: описанию будней «малого предпринимателя» и, щадя вашу неподготовленную нервную систему, начну разговор о нашей работе с рассказов о нашем отдыхе, где, впрочем, тема малого и мелкого бизнеса всплывёт ещё неоднократно.

Недавно мы вернулись из отпуска. Знаю, что вы любители путешествий с палаткой куда-нибудь на Байкал, или на Алтай. Нам же в это году страсть как захотелось к тёплому морю. Перебрав варианты, мы остановились на российском курорте, а точнее – на пансионате, принадлежащем АО «Российские железные дороги», под городом Сочи. Я в этот пансионат позвонил, узнал цены, сроки заезда, сбросил по факсу заявку на проживание и получил от них подтверждение, правда, устное. Всё замечательно, можно ехать.

И вот наступил день отъезда. Сели мы в поезд, прошли на свои места. Видим: места не очень чистые, и окно на треть открыто. Я попробовал раму поднять – не получилось. Попробовали поднять вместе с товарищем, Глушковым, который нас провожал: рама с трудом, медленно, у-у-у, закрылась. Порядок. Отошли, начали прощаться, рама – вж-ж, сползла вниз. Подошли, толкнули – у-у-у, рама вверх, отошли, прощаемся – вж-ж, рама вниз. Подошли – вверх, отошли – вниз. А на улице прохладно, а у нас дети, и Полина простужена.

– Спасибо, что проводил, – отпустил я Глушкова, – похоже, надо искать проводников.

Проводница, тётка в телесах, выслушав мои претензии, никак не отреагировала. Я повторил: окно не в порядке.

– Сейчас тронемся, приду, – произнесла она недовольно.

Я стал объяснять ей, что идти надо сейчас, а не когда тронемся. Проводница посмотрела на меня, о чём-то подумала и направилась к нашему купе.

– Ну и что, – сказала она, увидев окно, – надо просто закрыть.

– Закрывают.

– А сами не можете?

Я стал объяснять ей, сколько заплатил за билеты по повышенному летнему тарифу и что хотел бы за эти деньги получить. Она посмотрела на меня, о чём-то подумала и полезла на стол.

Тут я, признаюсь, начал волноваться. Во-первых, мне показалось, что не выдержит стол. Но стол, ничего, выдержал. Потом я испугался, когда проводница зачем-то на столе присела: зрелище, знаете, не для слабонервных. Но, оказалось, это она просто схватила ручку рамы – как штангист, только хват не спереди, а сзади, за спиной. И в третий раз я вздрогнул от хлопка, когда проводница, пошире разведя ноги и напрягшись до красноты, что есть сил дёрнула раму вверх. Хлоп! Окно со стуком закрылось!

– Вот так, – сказала проводница, слезая и собираясь уйти.

– Подождите, – остановил я её.

– Что ещё?

Рама – вж-ж, медленно сползла.

Проводница посмотрела на меня, на раму, о чём-то подумала, вновь забралась на стол, на котором, между прочим, нам ещё предстояло кушать, присела, покраснела – хлоп, окно закрыла. Слезла на пол – вж-ж, оно открылось. Забралась, присела – закрыла. Отпустила, слезла – открылось. Дети во все глаза на неё смотрят, Оля стоит в коридоре.

– Подержите ручку, – сказала мне со стола проводница после очередного приседания, – я скоро приду.

– Щас, – ответил я ей.

Меня злило, что они заранее не удосужились привести купе в порядок.

– Маш!!! – закричала проводница так громко, чтоб услышала напарница, проверяющая билеты у входа в вагон. – Ма-аш!!!

Через какое-то время появилась Маша с безразлично-непробиваемым выражением лица.

– Подержи окно, – попросила наша Машу, – я за электриками схожу.

«При чём тут электрики?» – подумал я. Хотя мне уже было всё равно, пусть хоть компьютерщики ведёт.

– Да ну, – сказала Маша, – мне надо билеты проверять.

И ушла. Наша слезла и ушла тоже, рама – вж-ж, сползла вниз.

Возвратилась проводница, ведя за собой электриков – двух кавказцев устрашающего вида: одного в выправленной тельняшке, другого в расстёгнутой до пупа рубахе. В руках электрики несли кувалды.

– Вот, – сказала наша.

Я, грешным делом, подумал, это она про меня, но проводница ткнула пальцем в окно.

– Закрывай давай, – сказали ей электрики.

Наша суетливо полезла на стол, присела, напряглась и привычным рывком окно закрыла.

– Клинья давай, – сказали электрики.

– Маш! – закричала наша. – Неси клинья, только быстрее!

Через какое-то время появилась безразличная Маша с деревянными клиньями.

– Засовывай давай, – сказали электрики.

Маша втолкнула клинья между окном и рамой, и электрики начали лупить кувалдами, загоня деревяшки вглубь. По купе полетели щепки и грязь. Наша, продолжая удерживать раму, инстинктивно отдёргивала ноги.

Наконец электрики закончили.

– Слезай давай.

Наша осторожно отпустила ручку, слезла и с некоторым страхом оглянулась. Мы тоже напряжённо ждали. Рама осталась на месте.

– А как открывать, – спросил я электриков, – когда жарко будет? Кондиционер-то, сказали, не работает.

– Никак, – ответили они и, помахивая кувалдами, ушли.

За ними с чистой совестью ушли проводницы.

Так путешествие началось.

А вообще, ехали мы хорошо. Своё купе, никто не мешает, мы никому не мешаем. На станциях бабульки продают окорочка с картошкой, малосольные огурцы и прочую снедь. Этот тоже хорошо. Потому что от Сбокова до Сочи ехать почти трое суток, и мы рассчитывали обедать в вагоне-ресторане. Но не тут-то было. Мимо нас время от времени возила тележку разносчица из ресторана. Возила так: откидывала в коридоре стульчик, садилась на него и долго-долго, минут тридцать, мечтательно смотрела в окно на пробегающие мимо леса, поля и т.п. Потом поднималась, везла тележку в соседний вагон и, подозреваю, долго-долго смотрела в окно там. Так вот, я спросил у неё, что есть в ресторане на обед.

– Ничего нет, – мечтая о чём-то, сказала она. – Мы ведь адлерская бригада, домой едем.

Как будто, когда адлерская бригада едет домой, у пассажиров напрочь пропадает аппетит.

Вообще, некоторым людям для активной работы непременно нужна личная заинтересованность. А если её нет... На одной станции от нашего состава отцепляли вагон. Пришли четверо мужиков в оранжевых жилетках, а отцепить вагон не могут: нет диспетчера с рацией. Маневровый тепловоз давно стоит, поезд уже вот-вот тронется – нет диспетчера.

– Где она? – психуют мужики.

– Вон, – говорит кто-то.

– Где?

– Вон-вон.

– Ленка! – орут они. – Иди сюда!

– Да, щас, – машет рукой Ленка.

Она в таком же оранжевом жилете и с рацией через плечо носится с ведром по перрону и кричит:

– Кому абрикосы?! Покупайте абрикосы! Хорошие абрикосы!

К несчастью, обратно мы ехали тоже с адлерской бригадой, хорошо хоть до Москвы, на сутки меньше. Проводница ни разу в купе не убирала, бельё не разносила, чаю не предлагала. Зато всем предлагала пиво.

– Хорошее пиво, холодное, – говорила она буквально каждый час, поблёскивая глазами, – я уже пробовала.

А ближе к вечеру стала предлагать водку, и её блестящие глаза не оставляли сомнений в том, что она пробовала и её. По коридору же в это время ездила разносчица из ресторана, кричала про печенье и минералку и многозначительным взглядом указывала на спиртное, замаскированное среди бутылок с водой.

Но я отвлёкся. Приехали мы в Сочи ранним утром и сразу направились в пансионат. Честно говоря, немного беспокоились: вдруг что-нибудь не так, вдруг, например, бронь на нас не выписана? Заведение принадлежит железной дороге, а от неё всякого можно ожидать. Куда мы тогда с детьми и вещами? Но с бронью оказалось всё в порядке, выписана была бронь. От сердца отлегло, настроение повысилось, дети побежали смотреть расписание мероприятий, а мы с Олей сели заполнять анкеты. Когда анкеты были заполнены, не очень приветливая администраторша стала их читать и между делом спросила:

– Расценки за проживание знаете?

– Знаем, – ответил я легкомысленно, – специально ведь к вам ехали. Конечно, не дёшево, но надеемся хорошо отдохнуть.

И назвал ей сумму.

– Что-то непонятное вы говорите, – произнесла сквозь зубы администраторша, – потому что для отдыхающих со стороны номер у нас стоит...

И назвала цифры гораздо, просто гораздо большие.

– Подождите, – не понял я, – здесь какая-то ошибка. Мы созванивались, договаривались о цене.

– Не знаю, с кем вы созванивались и о чём договаривались, – начала она раздражаться, – только вот тут у меня написано. Читать умеете?

– Но ваш бухгалтер сказала, что заявка подписана и подтвердила стоимость проживания!

– Вот бухгалтер пусть вас и селит! А у меня против вашей фамилии написано другое. Вот! Читать умеете?!

Мои ошарашено слушали разговор.

Тут пришла сменщица администраторши, так как начинался новый рабочий день, и уходящая стала рассказывать ей про меня:

– Представляешь, говорит должен меньше платить: вроде бы, с кем-то он там договаривался. А здесь ясно написано!

– Ну, надо же, – гневно посмотрела на меня новая. – Что ему ещё надо, если здесь написано?

– Вы издеваетесь, что ли? – я не верил свои ушам. – Мы сюда приехали специально из-за вашего пансионата, у нас была куча других предложений.

Полина в рёв:

– Мы теперь на улице будем жить, я есть хочу!

– Мужчина, вы будете селиться или нет?! Мне смену сдавать надо!

До сих пор не знаю, почему я им ничего не сказал на прощание? Теперь в душе поселилось чувство неудовлетворённости: мог ведь сказать, многое мог сказать, а промолчал, не сказал! Размеренная, обыденная жизнь, Гена, дарит нам редчайшие моменты, счастливые возможности сделать нечто настоящее, а мы опрометчиво их разбазариваем! А ведь они не вернуться, моменты-то, не вернуться. И мы будем страдать. Небось оттаял бы администраторш, обхайлал от сердца, глядишь, на душе бы полегчало. А теперь что? Осталось обхайлать какой-нибудь паровоз, а в его лице пансионат железной дороги.

Вышли мы с плачущей Полиной на улицу. Матовое солнце только-только поднималось из-за гор, пели птицы, зеленели магнолии, вдали шумело море, и мы вдруг поняли, что несмотря ни на что находимся на курорте. А раз на курорте, то всё равно отдохнём, ни здесь так в другом месте. «Тьфу на них», – подумали мы и минут через пятнадцать по совету случайной прохожей ехали в Адлер.

У абхазской команды КВН была шутка: «Если человек праведник, на лето он попадает отдыхать в РАЙлер, если грешник – в АДлер».

Не успели мы в Адлере, тьфу ты, в Адлере, сойти на землю и осмотреться, как тут же какой-то брюнет, непонятно откуда возникший, предложил нам услуги частной гостиницы. Почему я говорю «непонятно откуда возникший», потому что секунду назад на обозримом пространстве его не наблюдалось. Была женщина, у которой мы спросили про сдаваемое жильё, и больше никого. И вдруг возник он. Ни я, ни Оля объяснить потом этого не могли (вроде, рогов и хвоста, памятью об Адлере, у него не было).

Больше всего брюнет гордился тем, что центральный замок на его «Волге» открывает дистанционно не только все двери, но и багажник. За те пять минут, что мы ехали до места назначения, он сказал об этом не менее пяти же раз, не забывая, впрочем, расписывать прелести будущего жилья.

Гостиница оказалась двухэтажным особняком на двенадцать номеров, только-только с претензией отделанным и обставленным новой мебелью. Вышедшая нам навстречу суровая женщина ни в какую не хотела пускать брюнета внутрь.

– Натопчешь пол, – вытесняла она его, – а у нас тут чисто!

– Я привёл вам клиентов! – возмутился тот и всё-таки пролез мимо, ходил за нами по пятам, пока мы осматривали номера, и остался очень доволен, когда мы решили здесь остановиться. Очевидно, он заработал.

Нам понравилось, что в гостинице всё новое, не замызганное, и к тому же располагалась она, с одной стороны, недалеко от моря, а с другой, близко к рынку, то есть к дешёвым свежим фруктам.

Хозяйке гостиницы, женщине лет сорока пяти, её заведение тоже очень нравилась и гораздо больше, чем постояльцы. Она любила свою собственность, на ремонт которой, очевидно, было потрачено немало денег, и ненавидела тех, кто на эту собственность, хоть бы и временно, покушался. Она бы предпочла, чтобы постояльцы платили деньги, а жить не стали.

Её работница, та суровая женщина, которая встречала нас по прибытии, вполне разделяла взгляды хозяйки и смотрела на клиентов недобро и с подозрением. Хозяйка с работницей не убирали в номере, не давали мыла и не выносили мусор, что обязательно делают в любой гостинице и за гораздо меньшую плату, зато, как только мы уходили, направлялись в наши комнаты, всё осматривали и выдёргивали из розетки зарядное устройство мобильного телефона, чтоб не расходовалась электроэнергия. Если же мы садились на балконе ужинать, непременно кто-нибудь из них появлялся и проверял, что у нас на ужин, а один раз хозяйка, выдернув пробку из бутылки, стоящей на столе, понюхала, что мы пьём.

А пили мы вино. Там на каждом шагу продают вино, фабричное и домашнее. Все местные его продают, все приезжие его пьют. Чтобы смягчить работницу, мы купили у неё вина, и после этого она действительно подобрела. Чего нельзя сказать о хозяйке.

Впрочем, мы мало обращали внимания на мелкие неприятности и отдыхали по полной программе: солнце, море, шашлык, что ещё надо? Вдали плещутся дельфины, по пляжу ходят торговцы-армяне и кричат:

– Рыба капчёний, вобля сушёний, пиво халёдний очинь-очинь.

Полина вспомнила, что по пути на вокзалах продавали пирожки и тоже стала кричать, как ей казалось, по-армянски:

– Пиро-ожки! Пиро-ожки! – почему-то окая на вологодский манер.

Устав жариться на пляже, мы решили осмотреть местные достопримечательности и наняли с этой целью частного таксиста-экскурсовода. Звали его Ашот.

– А информация какая-то будет? – спросил я Ашота, когда мы договаривались о цене.

– У вас будет самая лучшая информация, – заверил он. – Я экскурсовод высокого класса, вожу людей пять лет.

Начал он экскурсию так:

– Здесь очень красивые места, всем нравятся. Иностранцы из Олимпийского комитета приехали и сказали: «Ай, какие красивые места! Мы хотим провести здесь Олимпиаду! Только дорога у вас не очень. Постройте дорогу, и мы сразу проведём Олимпиаду!»

– Только дорога их не устроила? – уточнил я.

– Да. Особенно вон там, за коттеджем Саркисяна.

Я понял, что информация будет, действительно, самая лучшая. Поэтому разговор у нас постепенно перетёк на обсуждение преимуществ и недостатков различных марок автомобилей.

А места и вправду были очень красивые, поездкой мы остались довольны, а в конце он продал нам бутылку красного вина, которое делал его отец. И вино оказалось замечательным, хоть и более дорогим, чем у остальных.

Отец Ашота тоже работал таксистом и тоже был экскурсоводом высокого класса. Но в отличие от энергичного сына ездил мало, а предпочитал целыми днями играть на стоянке в нарды. Мы каждый день проходили мимо по дороге на пляж и обратно и поскольку знали, кто это такой, и вино его нам понравилось, то считали возможным улыбаться ему, как знакомому, и вскоре он начал улыбаться нам в ответ.

– Хорошее вино мы купили у Ашота, – сказал я ему как-то, улыбаясь. – Сами делаете?

– Конечно, сам, – сказал он, улыбаясь в ответ.

– Нельзя ли купить ещё бутылочку? – спросил я, улыбаясь шире.

– Конечно, можно! – умудрился он улыбнуться шире меня и достал из багажника бутылку. – Вам очень понравится!

Вино оказалось отвратительным, пить мы его не смогли, несмотря на всё уважение к малому бизнесу и к отцу Ашота лично. Поэтому я понёс бутылку обратно.

– Что-то вино оказалось... не таким хорошим, как первый раз, – сказал я, улыбаясь, – может, вы что-нибудь перепутали?

К моему удивлению, улыбаться он не стал, а, напротив, посмотрел недовольно.

– Ничего я не перепутал! Хорошее вино.

И отвернувшись, бросил на доску кубики. С этого момента мы охладели друг к другу.

Но с Ашотом отношения остались прежними, сын, как известно, за отца не в ответе. И в последний день он даже нашёл водителя, который отвёз нас до Сочи, ибо, хотя поезд и отправлялся из Адлера, изначально билеты у нас были куплены с сочинского вокзала: поближе к санаторию железной дороги. Водитель оказался добрым армянином в годах, всю дорогу у него на магнитофоне играла нескончаемая армянская мелодия, а ехал он... если сказать быстро, то будет не совсем точно. Вот если вы смотрели французский фильм «Такси», где главную роль

играет араб с непривычным русскому слуху именем Сами Насери, то поймёте. Примерно так он и ехал. Заметив, что на очередном вираже я вжался в кресло, он меня успокоил:

– Здесь недолго ехать. Вот сегодня я одних в Туапсе вёз, так они сильно переживали. Ничего, доехали.

Доехали и мы. Сочи, наслаждаясь прохладой, отдыхал от напряжённого курортного дня, из привокзального ресторана доносилась песня группы «Чай вдвоём» в исполнении местных певцов : «Били ми с тобо-ой, кито всиму вино-ой», а к перрону подходил безнадёжно отставший от нашего лихого таксиста адлерский поезд.

Когда мы садились в вагон, проводница почему-то не проверяла билеты, зато, блестя глазами, шептала каждому входящему:

– Есть хорошее холодное пиво. Я сама пробовала...

Так прошёл наш отпуск. Сейчас мы об этом только вспоминаем и думаем про шутку абхазской команды: что-то в ней, понимаешь, всё-таки было!

Ваш

Эдуард Сребницкий.

Глава 3

Здравствуйте, Гена и Таня!

Подходит к концу грибной сезон. Мы с Олей любим пару раз за лето съездить за грибами. Проблема в том, что «сами мы не местные» (как говорят побирушки в поездах) и грибных лесов не знаем, но узнать стараемся всеми силами. Как-то привезли нас на такое место мой тогдашний партнёр по бизнесу Рифат и его жена.

– Этот лес нам по секрету показали знакомые, – предупредили они, – и то после долгих уговоров. И если узнают, что мы не только сами ездим, но возим ещё кого-то...

Естественно, прибыв на место, мы нос к носу столкнулись с теми знакомыми. Они окинули нашу компанию ледяным взглядом и тут же уехали.

А лес, так-то да, оказался замечательным...

Вы ещё не слышали этого бродинского выражения: «так-то да»? А между тем, оно является местной достопримечательностью наравне со знаменитой глиняной игрушкой и грибами рыжиками, о которых речь пойдёт ниже. Ибо настоящий бродинец вряд ли скажет: «Действительно», «Разумеется», «Безусловно», а произнесёт расплывчатое: «Так-то да», что может, так-то да, обозначать и утверждение, а может – сомнение, возражение и даже отрицание – в зависимости от интонации, с какой выражение было произнесено. И если вы, например, спросили случайного прохожего, сможете ли выйти этой дорогой к оврагу Засора (ещё одной городской достопримечательности), и услышали в ответ «Так то да» – не спешите радоваться, поскольку, возможно, вы действительно двигаетесь в правильном направлении, но возможно также, что идёте в прямо противоположную сторону и когда-нибудь достигните оврага Засора, исходя из представления, что Земля это шар.

Но вернёмся к нашему рассказу: лес, и вправду, оказался замечательным. Грибов – что называется, косой коси! Мы набрали сколько смогли, дали страшную клятву Рифату и его жене, что никому и никогда не выдадим сказочного места, а на следующий год ехали туда уже со своим знакомым, взяв с него предварительно обещание молчать об увиденном до конца своих дней.

К нашему удивлению грибов в этот раз было меньше. На следующий год ещё меньше, на следующий – ещё, и наконец почти совсем не стало. То ли знакомые Рифата из мести заговорили это место, то ли его заговорили те, кто привёз сюда самих знакомых Рифата, то ли, вообще, его в сердцах проклял тот, кто когда-то давно-давно первым обнаружил невиданный лес, много лет хранил его в тайне, пока однажды не взял с собой по грибы надёжного друга, в железном слове которого ни секунды не сомневался. Как бы то ни было, грибы со временем исчезли.

Я имею ввиду настоящие грибы. Потому что в последний раз за неимением лучшего мы напластали там нечто напоминающее волнушки. Они и впрямь были похожи на волнушки, только светло-коричневого цвета. «Просто подёрнуты первым морозцем», – подумали мы и засолили целый бак.

Вскоре из бака вместо аппетитного грибного аромата стали расплзаться неприятные запахи. Мы искоса поглядывали на выступивший рассол, проветривали помещение и всё ещё надеялись на благополучный исход. Но запахи ширились и крепили, пока наконец не превратились в стойкое зловоние, которое сделало нашу жизнь трудно-выносимой. Промывание грибов и добавление в них пуда соли результатов не дали, и вскоре нужно было решать вставший со всей остротой вопрос, кому предстоит проживать в квартире: нам или «подёрнутым первым морозцем волнушкам»? Последние участия в голосовании не принимали.

А наш товарищ Глушков, с которым мы эти «волнушки» собирали, за зиму их всё-таки съел, из чего следует вывод, что грибы были не ядовитые. Но несмотря на этот обнадеживающий результат, мы решили искать новое место.

Поэтому, когда один наш знакомый бизнесмен, Сергей, неосторожно похвастал, что каждый год собирает грузди чуть ли не мешками, а потом солит их полный холодильник, мы наострили уши. Я бы не поверил ему насчёт груздей, потому что в Сбокове эти грибы встречаются достаточно редко. А лучшим грибом для засолки, да и вообще лучшим в мире грибом, местные считают рыжик.

О рыжиках надо сказать особо. Чтобы определить сбоковца за многие тысячи километров от родных мест, достаточно произнести при нём это магическое слово: рыжики! И он тут же блаженно закатит глаза и начнёт издавать интимно-восторженные звуки «о-о!», «м-м!» и тому подобное. Именно так недавно в Челябинске выяснилось, что мой давний друг Володя Чернов, которого я почитал коренным уральцем, родом из этих мест, и долго ещё потом он причмокивал губами и закатывал глаза не в силах успокоиться.

Мы же с Олей всегда относились к рыжикам свысока, поскольку считали, что они в засолке по всем статьям уступают тем же груздям: ну что говорить, когда грузди такие беленькие и твёрденькие, а рыжики, хоть и «пахнут лесом», как утверждают местные, но тёмненькие и мягонькие. А почему «относились» и «считали», потому что годы, проведённые в Сбокове, не прошли бесследно, и на втором десятке лет здешнего пребывания мы постепенно стали склоняться ко мнению, что рыжики грибы, и вправду, не такие уж плохие, и хотя они несколько темноваты и не так тверды, как, например, те же грузди, но всё ж таки своеобразны, вкусны и, как бы это точнее выразиться – пахнут лесом! А один раз я за собой заметил, как, попробовав рыжик, восторженно замычал. Поэтому, так то да: любим мы, сбоковцы, рыжики!

А и грузди тоже любим! Хотя, повторюсь, я не очень верил, что их можно собирать тут мешками. Но Серёга это утверждал и в доказательство, распахнув холодильник, предъявил нам трёхлитровые банки, распираемые от содержимого, как их хозяин от гордости, и даже по неосторожности одну из банок открыл на пробу. И мы с Олей поняли – надо действовать.

– Ну что, выпьем? – поднял я рюмку, когда вскоре Серёга зашёл к нам в гости (дело было два года назад). – Правда, извини, груздей на закуску нет.

– Ничего, – улыбнулся тот самодовольно, – я их дома поем.

– Где же вы, Сергей, собираете такие замечательные грузди? – спросила Оля как бы просто в рамках светской беседы.

– Да, там, ехать надо, – попробовал он в рамках светской беседы уйти от ответа.

– Прекрасно сказано! – неискренне засмеялись мы. – А в какую сторону ехать?

Не мог же он в рамках светской беседы просто невежливо промолчать.

– Это... м-м... в общем, по Казанской трассе. Да, по Казанской трассе ехать.

– Наверное, до самой Казани, ха-ха? Или не до Казани?

Он забеспокоился, но по инерции ещё улыбался в ответ.

– Нет, конечно, не до Казани.

– А до куда?

– ... Это ...это в нашей области.

– Значит, где-то есть свёрток с трассы?

– Так то да... есть один свёрток... А как у вас дела на работе? Почему-то вы совсем не рассказываете, как у вас дела на работе!

– На работе нормально. Свёрток далеко от Сбокова?

Он понял, что попал в железные руки и, приблизительно описав маршрут, засобирался домой.

В первые же выходные мы отправились в поездку по трассе. На месте стало ясно, насколько маршрут оказался приблизительным. Мы изъездили все окрестности, но ничего толком не нашли. Из Сергея вышел бы неплохой партизан.

Но и в нас, возможно, умер разведчик. Вскоре мы принимали у себя нашего товарища Мишу, который одновременно являлся ближайшим соратником и компаньоном Сергея. У нас были веские основания полагать, что Миша относится к категории посвящённых.

– Ну что, выпьем? – поднимал я рюмку, пытливо заглядывая Мише в глаза. – Правда груздей, к сожалению, на закуску нет...

Как всё-таки хорошо, что в большинстве своём люди не любят отягощать свою душу тайнами! Ведь будь по-другому, из нашей жизни ушла бы доверительность, искренность отношений. Все сомневались бы во всём, подозревали друг друга – а вдруг от них скрывают нечто важное? – стали бы мнительными и замкнутыми. Как бы тогда люди смогли общаться между собой, как дружить, как любить, в конце концов?! И как бы мы тогда с Олей узнали, где в Сбокове растут грузди? Короче, Миша проговорился про это место: не сразу и с неохотой, но проговорился, да ещё обмолвился, что ездят они туда после двадцатого августа.

Целый год мы пребывали в нетерпении. И вот двадцать первого августа – хотели ещё девятнадцатого, да из-за работы не получилось – отправились по грузди. Всю дорогу мы боялись, что встретим у заветного места Серёгину машину. Но её не оказалось. Зато повсюду росли чудесные грузди! Мы умиротворённо собирали их, оставляя те, которые совсем маленькие. Потому что честный грибник должен оставить кое-что и другим, например, Серёге, который завтра, возможно, приедет сюда и тоже захочет набрать груздей. Хотя, положим, завтра эти маленькие грибы ещё не вырастут, но пусть тогда Серёга приезжает послезавтра, или лучше через неделю, потому что мы, например, через неделю сюда не поедем.

Вот как поступают честные грибники! Но есть грибники другие. Которые в нынешнем году собрали на том месте все грузди за день до нашего приезда! Оставили, правда, какую-то мелочь, на которую и рука не поднялась. А так – всё подчистую! Интересно, кто это мог пройти по нашим местам? Неужто Серёга? Точно, он! Люди, Гена, на чужое добро шибко падкие.

В общем, так плохо, как в нынешнем году мы ещё не ездили. Не набрали даже «подёрнутых первым морозцем волнушек».

А на обратном пути возле дома Оля попросила остановить машину, чтобы купить на рынке овощей. Там среди огородников, торгующих морковкой и зеленью, стоял дед с окладистой седой бородой, продававший опята. Этот дед продаёт грибы уже много лет на одном и том же месте, облачённый в один и тот же болотного цвета плащ. Когда идут белые – дед продаёт белые, когда лисички – лисички, когда сезон заканчивается, и в лесу можно встретить только сгнившие и изъеденные грибы – он продаёт их. В этот раз были опята.

Мы любим также и опята. Они редко бывают червивые, их легко собирать, и нам, уральцам, нравится их вкус. В Сбокове же, как и грузди, они растут редко, и их мало кто знает. Поэтому торговля у деда шла вяло.

– Купить, что ли? – вернулась к машине Оля.

Я не знаю почему в тот момент не грянул гром, не поднялась буря и не задрожали деревья, свидетельствуя о проведённой раз и навсегда огненной черте, за которую отныне нам нельзя было переступать! С этого момента мы никогда уже не могли рассказывать анекдоты о рыбаках, покупающих улов в магазине, и грибниках, едущих «по грибы» к ближайшим торговцам на автотрассе. Свершилось! Грибные черти, сидя на багажнике, надрывали животы от смеха. А мы с Олей смотрели друг на друга полными слёз глазами.

– Покупай, – сказал я ей, – опят очень хочется.

И Оля понуро побрела к деду.

– Только узнай, где он их берёт! – крикнул я вслед. – Мы ещё сами туда съездим.

– Ну что? – спросил я, когда она с ведёрком, полным отличных опят, уселась рядом. – Узнала?

– Сказал, тут недалеко, где-то не то в Лапотках, не то в Ложкарях. На вырубках.

– Ничего, отыщем по карте. Он узнает, как наши грибы собирать. – И я бросил взревевшую машину вперёд.

Скажу сразу, никаких Лапотков и Ложкарей на карте мы не нашли, не было таких деревень поблизости: дед, старая бестия, соврал на голубом глазу порядочной женщине. Я бы так не смог. Но всё же мы ему безгранично благодарны за то, что изучая карту близлежащих мест, многократно расширили свои познания бродинской земли, или, как любят здесь говорить на эпический манер – земли бродинской.

Кто бы мог подумать, что прямо рядом с нашими домами рассыпаны драгоценными камнями деревеньки со сплошь изумительными трогательными названиями. Мараки, Мокрецы, Дуркино, Кобели, Дряхловщина, Козулинцы, соседи Шишонки и Гавшонки, а также Скопино, Вороньё, Чуни, Блохи... И посреди этой россыпи сверкает и переливается всеми цветами радуги самый крупный и чистый бриллиант здешних мест: скромная деревенька под названием Бздюли. Нет, про бриллиант мы, конечно, знали и раньше – такое невозможно игнорировать при первом же знакомстве с местами, где предстоит прожить, может быть, до конца дней своих, – но оказалось, что и оправка бриллианту под стать! И это только то, что находится рядом, под боком. А если отправиться дальше, как здесь говорят: «За Тужу, за Вою, за Пержу»! Всё это, как вы понимаете, местные географические названия. Поэтому, дальше лучше не ездить!

Мы и не поехали. Намариновали, засушили то что есть, и с нетерпением ждём теперь, когда будем пробовать. Вот и всё, что касается прошедшего грибного сезона.

Зато начался сезон учебный. Полина в этом году поступала в подготовительный класс Сбоковской гуманитарной гимназии (это где Ксения учится). Желающих – со всего города, а мест только сорок. Перед самым экзаменом мы вдруг осознали сложность стоящей перед нашей семьёй задачи и кинулись натаскивать Полину.

– Скажи, Полина, – спрашивали мы строго, – кто написал «Незнайку»?

Почему-то мы решили, что на экзамене будут вопросы про Незнайку.

– Не знаю, – отвечала Полина.

– Как это, не знаю? Ты должна знать. Он ещё «Мишкину кашу» написал. Кто это?

– Не знаю.

– Это писатель Носов, Полина. Запомни – Носов. Запомнила?

– Запомнила.

Через некоторое время мы решили проверить, как усвоен прошедший материал.

– Скажи, Полина, кто написал «Незнайку» и «Мишкину кашу»? Только отвечай чётко, как на экзамене.

– Ломоносов!

Хорошо, что на экзамене этого вопроса не было. А так всё для нас закончилось благополучно, и Полина теперь ходит в подготовительный класс.

Ксения уже три недели как семиклассница. Едва только начали учиться, родителей пригласили на собрание.

– Седьмой класс, гуманитарная гимназия, Пушкин! – млея, сказала учительница. – Дети в этом возрасте так восприимчивы, они так любят Пушкина. Мы всем классом едем в Болдино. Болдинская осень, Пушкин, ах, мы едем в Болдино!

На улице была холодина, беспрестанно лил дождь, и мы задумались, так ли прекрасна в этом году Болдинская осень? И вообще, на мой взгляд, в Болдино надо ехать тогда, когда Пушкин стал для тебя частью жизни.

Из гимназии пришла Ксения. Им тоже сообщили о поездке.

– Едем с классом на экскурсию, – сказала она, – в какое-то Балдино.

Но самым удивительным оказалась стоимость поездки. Был бы жив Пушкин, он бы постеснялся столько брать. Мы прикинули: за такие деньги запросто можно отдохнуть на море. Это явилось последним аргументом, и дочь у нас осталась дома.

Но некоторые поехали. Когда они вернулись, мы спросили Ксению об их впечатлениях.

– Деревня, – сказала она, – им не очень понравилась, зато в поезде и кафешке – класс!

А по приезду чуть не половина группы во главе с учительницей слегли с простудой.

Но дело, видимо, в том, что на учителей села какая-то туристическая фирма. Она быстро поняла, что требуется в гуманитарной гимназии, и к каждому предлагаемому туру теперь приписывает «пушкинские места». Так в ближайших планах поездка по пушкинским местам в Санкт-Петербург, затем по Золотому Кольцу (неужели Пушкин там везде бывал?), а летом на Кипр, я так понимаю, тоже вслед за Пушкиным.

Написал письмо в сентябре, но не отправил, закрутился с работой, а сейчас на дворе уже поздний ноябрь, лежит снег. Когда он выпал, я понял, Гена, что перестал радоваться первому снегу. Во-первых, это случилось в начале октября, а последний – был ещё в июне: за четыре месяца мы как-то не успели по снегу соскучиться. Во-вторых, мне пришлось отчищать машину руками, потому что автомобильная щётка осталась дома. А в-третьих, в этот день, аккурат на начало нашего дежурства, кто-то нагадил на лестничной площадке. Впрочем, на площадке гадят и на первый снег, и на последний, и к майскому грому, и в Юрьев день, а мы никак не можем договориться с соседями насчёт уборщицы: они не хотят лишних расходов.

От вас ничего не слышно, надеюсь, что всё хорошо.

И так то да, остаюсь искренне ваш

Эдуард Сребницкий.

Глава 4

Здравствуйтесь, Гена, здравствуйтесь, Таня, здравствуйтесь все Григорьевы!

Очень рад, что вы нашлись и живы-здоровы, что у вас появился адрес, хоть бы и электронный. Поэтому сел за письмо. Писать буду по принципу малых народов Севера: что вижу, то и пою. А что видят малые народы Севера? Зиму. Вот и я буду петь про зиму. Ох, и длинны же у нас зимы! Это я ещё не пою, это я просто констатирую: ох, и длинны же у нас зимы! Что особенно чувствуется в середине февраля. А началась нынешняя зима, как я вам уже писал, в октябре.

Это время ознаменовалось у меня началом борьбы за открытие нового отдела. Недалеко от нашего офиса прямо на глазах вырастал красавец торговый центр, и мне нужно было позарез туда попасть. Хорошее место сейчас – вопрос жизни и смерти для розничной торговли. Народ стал привередлив, куда попало не идёт, а конкуренты сильны и агрессивны, давят ценами и шикарными магазинами: короче, каждое стоящее место на вес золота.

Ежедневно проходя мимо строящегося центра, я прикидывал, как бы мне заиметь там несколько заветных метров, и когда наконец начались отделочные работы, а Оля в очередной, сотый раз прозудела, что пора действовать, я понял, действовать, в самом деле, пора!

Выяснилось, что заказчиком нового центра выступает некое торговое предприятие «Плодоовощ». А поскольку одновременное упоминание торговли, плодов и овощей вызывает в голове совершенно определённые национальные ассоциации, а по прикидкам строительство здания вылетало в немалую сумму, я подозревал, что за данной неброской вывеской стоит сплочённая группа азербайджанских товарищей.

Но знакомый азербайджанский бизнесмен заверил, что его товарищи к строительству центра отношения не имеют. А имеет отношение, как мне удалось выяснить, некая бывшая овощебаза в одном из пригородных совхозов. «Ни фи́га овощебазы деньгами ворочают!» – с уважением подумал я и начал осторожно подбираться к руководителю этого загадочного золотосного предприятия.

Оказалось, фирмой «Плодоовощ» командует женщина. «Ни фи́га женщины ворочают овощебазами, которые ворочают такими деньгами!» – с ещё большим уважением подумал я, а в глубине души порадовался, так как знал, что путь к сердцу женщины посредством моей косметической продукции ищется гораздо быстрее. Через какое-то время я добыл телефон этой дамы, позвонил ей, представился, насколько это возможно, приятно, и договорился о встрече.

Встреча была назначена в их деревенском офисе. Отправляясь туда, я не только надел почищенный отутюженный костюм, но и вымыл с шампунем машину, дабы её блеском произвести хорошее впечатление на избалованную роскошью миллионершу. На половине пути я понял, что сделать этого мне не удастся. Дорога к офису была такая, что я молился уже не о сохранении блеска своего автомобиля, а лишь о его сохранности: ежесекундно приходилось объезжать ямы, торчащие ребром плиты и вылезавшую из бетонного полотна арматуру. А перемешанная со снегом грязь тут же облепила мою машину до самой крыши. Не иначе миллионерша ездила в офис и обратно на танке, или, что более вероятно, на тракторе.

Из приёмной, несмотря на назначенное мне время, я долго не мог попасть в кабинет: туда постоянно входили люди, о чём-то спрашивали, носили на подпись какие-то бумаги и получали указания. Похоже, это была одна из тех приёмных, где нельзя просто сидеть и ждать своей очереди, иначе существует вероятность вообще никогда не пройти дальше. Я встал, решительно всех отодвинул и, войдя в кабинет, плотно прикрыл за собой дверь. Тактика сработала – никто не произнёс ни слова.

Хозяйкой кабинета оказалась полная женщина с крупными чертами лица, которая, спросив: «По какому вопросу?», показала мне на стул и при этом, беседуя по телефону, одновременно подписывала лежащие перед ней документы. Я понял, что попал к человеку дела.

Звали её, как мне удалось выяснить заранее, Таисия Петровна Плаксина. В тот момент, когда я вошёл, секретарша за стеной как раз диктовала кому-то по телефону фамилию:

– Плак-си-на! Плаксина. От слова плакать.

– Что ты такое говоришь, Валя! – крикнула ей Плаксина (она, оказывается, слушала ещё и секретаршу: ну, чисто Юлий Цезарь). – Я сроду не плакала!

И этому можно было верить. Она была решительна и деловита, она вникала в сотню вопросов сразу, и я бы назвал её бизнес-леди, если бы всё вокруг, в том числе и она сама, чем-то не напоминали мне всё-таки овощную базу. Хотя, кто знает, может быть цезари в следующей жизни становятся директорами овощных баз?

Я начал рассказывать ей о нашей фирме и нашей продукции, говорил об исследованиях российских учёных и созданных ими интереснейших косметических препаратах, поведал о биологически активных добавках и уникальных средствах для оздоровления организма, подчеркнул, что наши покупатели – наиболее культурная и образованная часть общества, к коей я, безусловно, отношу и свою очаровательную собеседницу.

– Хорошо, – кивнула она, – пока ничего обещать не могу, но я вас записала.

Для первого визита можно было считать свою задачу выполненной. Я дождался, пока она меня действительно записала, галантно попрощался и отбыл.

Спустя некоторое время я приехал вновь, как бы с уточняющим вопросом, потом приехал с тем, чтобы показать образцы товаров и оставил их в качестве презента, потом заглянул опять. И таким образом добился того, что Плаксина начала меня узнавать.

– А-а, – сказала она в очередной визит, – Вячеслав, заходи.

– Эдуард.

Я зашёл.

– Садись, где-то ты у меня записан. Ага, вот: «дешёвая косметика».

– Что?! – Так меня ещё не обзывали. – «Дешёвая косметика»?!

– А в чём дело? Тут была одна, записалась «элитная парфюмерия», а у вас, я так поняла, дешёвая косметика.

– Вы так поняли? Очень жаль... Но с другой стороны, – мне нужно было замять неуместный всплеск эмоций, – в некотором роде вы правы. Наша продукция, возможно, не такая дорогая, как известные французские марки. И всё же точнее было бы написать: «натуральная и лечебная косметика». Впрочем, как вам удобнее. Я, собственно, только заехал узнать, могу ли рассчитывать на место в вашем центре?

– Думаю – да. Но мы ещё позвоним.

Это была почти победа! Пусть с уязвлённым самолюбием, но победа, почти. Мои корыстные расчёты оправдались, усилия не пропали зря. А для достижения цели часто приходится чем-то поступаться. Главное, чтоб они позвонили. Я теперь ждал. И они позвонили.

– Это дешёвая косметика? – спросили с того конца провода.

– ...Нет, – ледяным тоном ответил я. – Лечебная косметика.

– Извините, мы ошиблись.

– Нет, нет, не ошиблись! – закричал я. – Дешёвая косметика, дешёвая! Я – дешёвая косметика!

– А что ж вы тогда говорите?

– Я пошутил, пошутил.

– Это фирма «Плодоовощ». Мы хотели пригласить вас на подписание договора.

– На подписание договора?! Это хорошо! Просто замечательно!

– Но это точно вы?

– Конечно я! Кто же ещё? Я самая дешёвая косметика!

– Так вы приедете?

– Лечу!

С Плаксиной мы встретились, как старые друзья.

– Садись, Вячеслав, – пригласила она радушно, – читай договор. Возникнут вопросы – задавай.

Вопросы у меня возникли.

– Таисия Петровна, а что же арендная плата такая высокая?

– А как ты хотел? Центр новый, нам окупать его надо.

– Ну да, ну да, вам окупать его надо... И я смотрю, ещё отдельно коридоры оплачивать придётся?

– А как ты хотел? Куда ж коридоры девать?

– Это да, это да, коридоры девать некуда... И аренду надо внести сразу за три месяца?

– За три.

– А когда центр откроется неизвестно?

– Почему неизвестно? Через пару недель откроем.

– Через пару недель?! Так нам срочно нужно заказывать оборудование!

– Конечно, заказывайте... А тебе, вроде, что-то не нравится? У меня, ведь, смотри, желающих очередь.

– Нет-нет, что вы, всё нравится. Только скажите, Таисия Петровна, здесь кто-то ещё косметикой будет торговать?

– Вот тут я тебя, Вячеслав, могу обрадовать: с косметикой больше не будет никого, только ты, обещаю.

– Это хорошо. А то в одном универмаге вдруг появились рядом конкуренты, некая фирма «Фавор», и цены стали сбивать: не торговля, а сплошное мучение.

– Не беспокойся, никаких «Фафоров» (она так сказала, с двумя буквами «ф») здесь не будет. Так ты подписываешь или нет?

– Подписываю.

– Учти, все деньги на этой неделе надо внести.

– На этой неделе?!

– А как ты хотел? У меня, ведь, смотри, желающих очередь.

– Хорошо, что-нибудь придумаю.

Я подписал договор, поставил печать. А дома всё считал, всё прикидывал: сумма получилась немаленькая, а вдруг покупатели в новый универмаг не пойдут и затраты не окупятся?

К концу недели я набрал номер Плаксиной.

– Таисия Петровна, это Эдуард. Решил позвонить, сомнениями поделиться: сегодня, если в универмаге менее сорока торговых мест, люди идут туда с неохотой.

– Что ты... э-э-э, – она запнулась, вспоминая, какое имя я только что назвал, – ...Никифор. Что ты! У нас в центре восемьдесят одно торговое место.

– Восемьдесят одно?!

– Восемьдесят одно.

– Это нормально, тогда даю команду платить.

– А ты ещё не заплатил, что ли? У меня, ведь, смотри...

– Всё, всё, плачу. А что слышно, когда центр откроется?

– Через пару недель.

– Вы, вроде, неделю назад говорили, что через пару недель.

– Ну, ты же знаешь, то да сё. Через две недели сдадим.

Через две недели, конечно, никто ничего не сдал, а ещё через две недели Плаксина пригласила нас к себе. Настроение у неё было приподнятое.

– Я только что из городской администрации, – объявила она, – там наш универмаг очень понравился. Главный архитектор сказал, что лично даст указание, какое оборудование вам ставить и как.

– Он что специфику нашего товара знает? – возмутился я. – Знает особенности выкладки? У меня уже своё оборудование в работе!

– Ну, Вячеслав, не лезь в бутылку, – нахмурилась она, – люди ведь со всей душой. Сейчас вам дизайнер (она так произнесла – «дизайнэр») расскажет требования главного архитектора, и через пару недель будете въезжать.

Я уже сталкивался с главным архитектором нашего города, даже дважды. Первый раз мы хотели повесить на фасад здания щит со своей рекламой.

– Щит должен быть того же цвета, что и фасад, – сказал нам главный архитектор, – и того же цвета, что реклама рядом.

Мы пригляделись и, действительно, обнаружили поблизости два баннера того же цвета, что и фасад здания. Все попытки донести до сознания главного архитектора мысль о непременном отличии наружной рекламы от окружающего пространства привели к тому, что установить щит нам вообще запретили.

Другой раз ему принесли на подпись вывеску нашего небольшого магазина.

– Неплохо, – одобрил он, – только всё должно быть крупнее! И знаете что: на фотографии я вижу два больших окна рядом, над ними тоже сделайте вывески!

Я стал объяснять, что соседние окна не наши, что множество световых коробов ни к чему, да и слишком дорого для маленького магазина.

– Хорошо, – сказал он, – над окнами убираем. И знаете... центральную тоже переделайте, чтоб не отличалась от фасада!

Поэтому, имея скромный, но показательный опыт творческого общения с главным архитектором, я подавленно ждал очереди к «дизайнэру», чтобы посредством него узнать определённую мне главным городским эстетом судьбу.

Судьба эта, как и следовало ожидать, представлялась безрадостной. Архитектор видел в торговом зале мало торгового оборудования, но много света и воздуха. За мой, разумеется, счёт. По полной, разумеется, ставке. И я бы не согласился с теми, кто выказывал недовольство проектом. Что-то в нём было по-настоящему творческое. Какая-то, понимаешь, печаль о несбывшемся и одновременно, понимаешь, радость от свершённого. Так архитектор видел мир.

Когда Ксюша была маленькой, она рисовала на бумаге человечков. Вот ручки, вот ножки, вот тело, вот голова. Но голова размещалась сразу на туловище.

– Ксюшенька, а где же шея? – спросила Оля.

Ксюша подумала и рядом с человечком нарисовала палочку:

– Вот она.

Подумав ещё, Ксюша нарисовала в стороне и кружочки.

– Ксюшенька, а это что такое?

– Это его коленки.

Марк Шагал бы обзавидовался.

Главный архитектор тоже видел окружающую действительность по-своему. Другое дело, что не все смогли его творчество оценить. Включая и меня.

– Что же это такое, товарищи? – возмутился я. – Платить за полные метры, а использовать только половину?! Как в таких условиях аренду окупать?

– О! Вячеслав! – окликнула меня Плаксина. – Хорошо что ты заговорил, а то я бы забыла. – Она взяла меня интимно за локоть и отвела в сторону. – Слушай, – она перешла на доверительный полусшёпот, – сейчас после совещания в администрации подошёл ко мне заместитель мэра, говорит, надо бы разместить у вас одну фирму. Я, сам понимаешь, отказать

не могу. Называется фирма – «Фафор». Ты что-то, вроде, про неё говорил: конкуренты, и всё такое. Но я думаю, ничего, подружитесь.

– Конечно, подружимся, – стены вокруг меня поплыли. – А скажите, Таисия Петровна, – я вдруг захотел выяснить все мучившие меня вопросы разом, – что-то мало на собрании присутствовало арендаторов, у нас в универмаге точно будет восемьдесят одно торговое место?

– Сколько?! – удивилась она.

– Восемьдесят одно.

– От кого ты такое услышал?

– От вас.

– От меня?! Когда?

– Я звонил вам по телефону шестого ноября, после обеда.

– Шестого, после обеда? – она покатила со смеху. – Ну ты даёшь, Вячеслав. Мы уже вовсю праздновали Октябрьскую революцию! Ты бы ещё в День работника сельского хозяйства позвонил, честное слово.

По всему было видно, что я доставил ей несколько радостных минут.

– У нас будет где-то мест двадцать четыре-двадцать пять. Остальное – другие помещения.

– Караул, – одними губами произнёс я.

– Что?

– Таисия Петровна, как мне забрать свои деньги?

– Какие деньги?

– За аренду, за три месяца.

– А что такое, вставать не хочешь?

– Не хочу.

– У меня ведь, смотри, желающих очередь.

– Пусть, а я не хочу.

Похоже, мои слова она восприняла как оскорбление. Края её губ сверху переползли вниз, щёки опустились следом, глаза приобрели холодный блеск. Но мне было всё равно.

– Пиши бумагу о расторжении, в тот же день вернём, – она отвернулась и зашагала прочь.

А я тут же сел писать бумагу о расторжении договора.

Конечно, я не получил денег ни в тот день, ни в следующий. Разумеется, я не получил их ни через неделю, ни через месяц. Я названивал бухгалтеру и ругался, а та в свою очередь ругалась на меня.

– Верните мне мои деньги! – требовал я.

– Ваших денег уже давно нет!

– Верните мне другие!

– Как я вам верну другие, если они не ваши?!

– А где мои?

– Ваших уже давно нет!

Но наконец деньги мне вернули, признаться, даже раньше, чем я ожидал. Можно даже сказать, в разумный срок. Чего никак нельзя сказать о сдаче нового торгового центра. Проходили дни, недели, месяцы, а он так ещё и не был построен.

Но всему на свете наступает свой срок, наступил срок сдачи и этого центра. Мы с Олей недавно заглянули туда из интереса. Половину всех торговых площадей, которые с таким воодушевлением проектировал главный архитектор, занимала фирма «Фавор». Презрев его проекты, она разместила оборудование в удобных для себя местах, а окна, призванные залить торговые залы светом, кощунственно устала средствами для мытья унитаза.

Покупательская активность в торговом центре, как и ожидалось, низка, последнее время арендаторы один за другим оттуда уходят. А я, ежедневно проезжая мимо, грущу о безвозвратно потерянных здесь месяцах моей работы. Поговаривают также о закрытии другого мага-

зина, на раскачку отдела в котором мы потратили более двух лет. И в связи с этим я задаюсь грустным вопросом: на что уходят мои – кому как, а для меня золотые – годы?

И если уж о грусти и о зиме, то расскажу вам случай, прочитанный мной наместни в одной местной газете. Если бы я писал очерки о провинциальной интеллигенции, то, безусловно, включил бы в них данную историю. Но поскольку пишу письмо, то включу данную историю в письмо.

А в ней помимо провинциальной интеллигенции фигурируют животные. Совсем недавно я смотрел по телевизору передачу: в Соединённых Штатах добровольцы спасают морских львов, которых иногда выбрасывает на берег. Морские львы, оказывается, сильные и опасные животные, и для того, чтобы поместить их в специальный контейнер, а потом перевезти в лечебницу, добровольцам приходится очень рисковать. Но что делать, животных надо спасти, без помощи человека они погибнут!

(Позже я прочитал про подвижников и у нас в Сбокове. Один из них, например, собирая с миру по нитке, организовал первый в области собачий приют, где сам бесплатно лечит животных).

Но не только в Соединённых Штатах (и Сбокове) животные нуждаются в помощи. Вот, например, в городе Свободском Сбоковской области пришёл зимой на дачу местный художник Лыжин (как сказано в газете: «широко известный в Свободском художник Лыжин») и увидел у себя на участке двух лежащих рысей!

Лыжин рассказал газете: «...Та, что побольше, свернулась полукольцом, а поменьше лежала поперёк неё, видимо, грея теплом своего тела. Они были обессилены. Снег нынче высокий, вот они и перешли через реку, выйдя к людям в поисках пищи».

Подивился «широко известный в Свободском художник Лыжин» и, придя домой, поведал об увиденном жене, которая, к слову, работает заведующей Свободским музейно-выставочным комплексом. Выслушала заведующая Свободским музейно-выставочным комплексом своего мужа, широко известного в Свободском художника, тоже подивилась, а и усомнилась.

– Может, – спросила, – это не рыси, а собаки?

– Нет, – ответил художник Лыжин, – не собаки это, а рыси.

И на утро отправился вновь на дачу. Видит: лежат его рыси на прежнем месте. Что делать прикажете? Рассудил широко известный в Свободском художник идти за помощниками. И правильно рассудил, именно так должно поступать в подобных случаях. И направился он напрямиком в милицию.

Здесь наш рассказ исключительно про интеллигентных людей заканчивается, ибо, как известно, милиционеры никаким боком к этой сомнительной прослойке не относятся, более того, по знаку ей противоположны, на подобные сравнения могут обидеться и даже запросто съездить обидчику резиновой палкой промеж лопаток. Но само повествование продолжается, потому что приняли в милиции художника хорошо, выслушали внимательно и пособить в этом необычном деле согласились.

Пришли милиционеры с хозяином на дачу, видят: так и есть, лежат рыси! Не соврал заявитель! Попробовали хищниц согнать, а одна из них уже не шевелится: замёрзла, значит, за ночь. Но ведь есть ещё и вторая, та что первую теплом своим грела. Ей-то как пособить? Проблема! Посоветовались помощники с художником, да и расстреляли её на фиг из автомата: нет рыси – нет проблемы. А то нужно ловить, куда-то везти, да и вообще, рядом детская площадка.

– Оставить их вам? – спросили художника помощники.

– Нет-нет, – замахал руками художник. – У меня натура чувствительная, я буду переживать.

– А мы не будем, – сказали помощники и увезли трофеи с собой.

Приехав в отделение, они рысей чуток на улице подморозили, порубили на куски и скормили собакам: не пропадать же добру.

А широко известный в Свободском художник Лыжин рассказал об этом занимательном происшествии журналисту областной газеты, а та в свою очередь (надо же – рыси на садовом участке!) – читателям. И, согласитесь, происшествие в самом деле занимательное.

Что-то расхотелось мне пока петь про зиму, продолжу в следующем письме.

Всего вам доброго.

Э. Сребницкий.

Глава 5

Здравствуйте, Гена и Таня!

Если прошлое письмо завершилось занимательным зимним случаем, то теперь я намерен говорить только о серьёзном. И даже о главном. А самым главным зимним событием для нас с Олей является Новый год! Не в том смысле главном, как для всех: новые надежды, праздничная ёлка, шампанское и т.д. Это будет потом, когда в двенадцать часов за столом мы наконец вспомним, что праздник, он праздник и для нас. А в смысле сумасшедших декабрьских недель, когда, забывая про всё, кроме работы, мы будем пытаться поспеть за ускоряющимся день ото дня темпом торговли... Да, несомненно главное событие!

Его приближение мы начинаем чувствовать где-то с середины ноября. Именно в это время в торговом центре «Васильевский» нам приходит уведомление о необходимости внести плату на новогоднюю рекламу центра, а также на призы покупателям. Не помню, Гена, рассказывал я тебе про «Васильевский» или нет, но, честное слово, на нём нужно остановиться подробнее.

«Васильевский» – новый торговый центр, построенный на окраине Сбокова несколько лет назад. Не слишком удачное расположение его с лихвой компенсируется большими размерами и вследствие этого высокой покупательской проходимостью. Говорят, что в числе владельцев торгового центра некое физическое лицо из Сбокова и некое физическое лицо из южных краёв, известное в определённых кругах как Витя Перелёт. Руководство «Васильевского» отвечает на это, что, действительно, один из акционеров торгового центра родом с южных областей, зовут его, действительно, Виктором, и прозвище у него – ну что вы, не кличка, а так, дружеское прозвище – Перелёт, но никакого отношения к уголовному авторитету Вите Перелёту он не имеет, хотя внешне на него очень похож. А что приезжает иногда в Сбоков на крутой тачке в сопровождении быковатой охраны, так сейчас у бизнесменов это принято. В общем, вам-то какая разница?! Есть торговый центр, ходите в него и покупайте.

«Васильевский», и впрямь, торговый центр неплохой. У нас там есть маленький отдел наверху, и в течение нескольких лет я безуспешно пытаюсь перебраться сверху на нижние этажи, где торговля значительно лучше. Но куда там! Как говорит небезызвестная директор овощебазы Плаксина: «Желающих – очередь». Причём, на любое место. А когда желающих много, а места мало, то и дирекция подбирается соответствующая.

Особо известен в ней администратор Евсей: лет сорока, с короткой стрижкой, шрамом на подбородке и толстой золотой цепью на груди. Обычно Евсей в течение дня прогуливается по торговому центру, для души высматривая привлекательных девушек, а для работы выискивая мельчайшие огрехи у нас, арендаторов, чтобы тут же наложить штраф.

Евсей доводит до истерик продавщиц и до бешенства предпринимателей. Первые его до смерти боятся, вторые до такой же степени ненавидят. Наша продавец получила серьёзную нервную травму, когда однажды, поднявшись из-под прилавка, где выкладывала товар, прямо перед собой увидела голову Евсея, который разглядывал продукцию. Они встретились нос к носу, разделённые только стеклом. Продавец в ужасе закричала, Евсей от неожиданности подпрыгнул и тоже заорал. С тех пор его прыгающая орущая голова является ей в кошмарных снах.

Евсей главный надзиратель за установленными в «Васильевском» порядками. Он придумал, чтобы охранники получали премии от наложенных штрафов, и теперь крепкие парни заняты не столько обеспечением безопасности, сколько слежкой за соблюдением мельчайших предписаний руководства торгового центра.

Например, нашим продавцам, которые работают по одной, запрещено оставлять отдел под любым предлогом. И если кто-то из продавцов, не выдержав, уходит в туалет, тут же дождавшийся своего звёздного часа охранник вприпрыжку бежит за Евсеем, тот, боясь опоз-

дать, несётся за третьим свидетелем из администрации, и они втроём, радостные и возбуждённые, ждут несчастную у выхода из уборной, чтобы составить акт и наложить на хозяев положенный штраф.

В своё время они нас так замучили туалетными штрафами, что мы вынуждены были за дополнительную плату посадить за прилавок бабулю, изображающую из себя продавца-консультанта, пока настоящий продавец, скрываясь и дрожа, пробирается к туалету. Заметив это, администрация заявила, что в отделе запрещено находиться посторонним лицам, а если бабуля не постороннее лицо, а, как мы утверждаем, продавец-консультант, то должна полноценно работать с покупателями.

Пришлось разрешить бабуле продавать несколько самых простых наименований. Она делает это с удовольствием, хотя частенько путает продукцию и цены. Кроме того, когда бабуля в простое, она любит тут же перекусить, или выпить морсу, и происходящая рядом беседа продавца с покупателем, подчас на весьма деликатную тему (у нас отделы товаров для здоровья), ей не помеха. Всё это, положа руку на сердце, не очень способствует поддержанию нашего высокого имиджа. Но что делать? Разве что прибить Евсея.

У меня с ним однажды едва не произошла драка. Он даже закрыл на ключ кабинет, где мы вдвоём беседовали на повышенных тонах, и демонстративно поддёрнул рукава. Я тоже поднялся и бросил в сторону свой портфель. Дальнейшая сцена напоминала классический диалог из «Золотого телёнка»: «Ты кто такой?», «А ты кто такой?», чем, однако, всё и кончилось. А некоторые арендаторы дрались с Евсеем прямо между прилавков. Так что работа у него, в общем-то, нервная.

Один раз он подошёл к нашему продавцу (к той, которую чуть не до смерти напугал) и сказал:

– Слушай, я знаю, у вас тут разные средства полезные, мне бы чё-нить от нервов! Не могу, на куски бы всех порвал!

Продавец едва не упала в обморок, но потом взяла себя в руки и начала Евсея консультировать. Она порекомендовала ему специальные биологически активные добавки, ароматерапию и успокаивающие ванны.

– Применяйте всё это комплексно, одновременно, – объясняла она, – и вы достигните нужного результата. Особенно рекомендую ванны.

Собрав покупки, Евсей ушёл. Прошло недели полторы, и они столкнулись на этаже.

– Ну, что, – спросила продавец, – уже пробовали средства?

– Нет, – сказал Евсей, – я ещё не мылся...

Анекдот про «нового русского». Приходит «новый русский» к врачу. Жалуется на здоровье, что спит плохо, что нервы шалят. Доктор ему после осмотра:

– Знаете, вам нужно что-то в жизни поменять.

«Новый русский»:

– Слушай, братан, я за последний год поменял три квартиры, три машины, двух жён, четырёх любовниц, пять банков и две «крыши». И ещё этого мало?!..

...Значит, в преддверии нынешнего Нового года в торговом центре «Васильевском» вручили нам уведомление о необходимости внести деньги на новогоднюю рекламу и призы покупателям. Такое уведомление приходит каждый ноябрь, и каждый раз меня поражает указанная в нём сумма. Первый год я пытался убедить руководство, что она чрезмерна, но, как вы понимаете, безуспешно.

Более того, сумма постоянно увеличивается. И причиной тому – главный новогодний приз, который по странному стечению обстоятельств всегда выигрывает кто-нибудь из приближённых к администрации людей.

Вначале одному из них был вручён маленький автомобиль А-класса. На следующий год собрали больше денег и вручили другому приближённому автомобиль класса В. Ещё через

год счастливец получил С-класс. А исходя из нынешней суммы мы ждали премиум. Но оказалось, что в этом году был куплен не один, а несколько главных призов: мотовездеходы по десять тысяч долларов каждый и резиновые лодки по тысяча долларов пятьсот. Очевидно, будущие победители решили заняться туризмом. И это правильно: общения с природой – вот чего нам не хватает! Полюбоваться горящим закатом, умыться росой с рассветом. А машина, что машина? Евсей недавно приобрёл новую крутую тачку, а с неё росой не умоешься и в тонированные стёкла закат не увидишь.

Короче, началось как всегда с «Васильевского». А через неделю нас пригласили в другой торговый центр под названием «Бирюса». Администрация «Бирюсы» была обеспокоена тем, что «Васильевский» уже собрал деньги на «новогодний промоушн» (там был солидный бородастый мужик в грязных ботинках, который говорил «новогодний промоушн»), а они ещё нет.

– Так у нас всех покупателей отобьют! – возмущалась администрация «Бирюсы».

Первый год я пытался доказать, что с «Васильевским» конкурировать бессмысленно, что это крупный универмаг, и тот, кто хочет пойти в крупный, всё равно в него и пойдёт. Но, как вы понимаете, (см. выше).

Поэтому, когда торговый центр «Сокол» объявил, что не может допустить оттока покупателей в «Бирюсу» и «Васильевский» и начинает агрессивную рекламную кампанию за счёт средств арендаторов, я особо не возражал.

– Ведь в ваших интересах привлечь покупателя к нам. Разве не так? – вопрошали они.

– Конечно так, – соглашался я, чтобы побыстрее с этим покончить и успеть в универмаг «Радуга», который собирал арендаторов по поводу того, что «Васильевский», «Бирюса» и, по слухам, «Сокол» намереваются увести наших покупателей.

Какое это, доложу я вам, увлекательное занятие платить деньги, переманивая покупателей из одного своего отдела в другой! Но самое интересное, что в тех редких магазинах, где «новогодний промоушен» отсутствует, выручка всегда оказывается выше, чем в магазинах с «промоушеном». Как восклицает в подобных случаях мой тесть:

– Вот чем объяснить?!

Я не знаю. Да и думать над этим некогда. Потому что сразу за Новым годом идёт Рождество (говорят, где-то происходит наоборот), вскоре – День Святого Валентина, потом День защитника Отечества, а там и Международный женский день, то есть всё, что называется «нашей горячей зимой».

Глава 6

И всё же она кончилась, «наша горячая зима». Усталые, но довольные, взяв детей, мы отправились на центральную площадь города на праздник Масленица, имеющий, как известно, ещё одно название: Проводы русской зимы.

Надо сказать, что все главные праздники Сбокова весьма похожи друг на друга. Организует их местный продюсер, режиссер и шоумен Юра Титов. Нет, вру! Пару лет назад отмечался юбилей города, и проведение праздника курировал лично мэр Виноградов. Выяснилось, что некой московской фирме он отвалил из нищего бюджета миллион рублей (огромную по тем временам сумму) за... сценарий заключительного шоу.

Юре Титову, конечно, столько не платят. Может быть, поэтому проводимые им на центральной площади праздники скучны и однообразны: традиционно на одном и том же месте сооружается сцена, где под музыку танцуют самодеятельные артисты, одетые, в соответствии с отмечаемой датой, либо в гимнастёрки (на День Победы), либо в сарафаны и косоворотки (на Проводы зимы), либо в весёлых – так, по крайней мере, подразумевается – снеговиков (это на Новый год). Рядом продают воздушные шары, пиво, шашлыки, а вокруг памятника Ленину лошади, которых я, кажется, знаю уже всех в морду (про лошадей, вроде, не говорят «в лицо») катают ребятню.

В газете было обещано, что апофеозом праздника будет сжигание в полдень чучела Масленицы, но и чучела не наблюдалось. Шашлыков нам не досталось также, и, посадив детей на проезжающих мимо лошадок, мы с Олей предались воспоминаниям о лучших годах Юры Титова, которые, видимо, увы, позади. Когда на крутую ночную дискотеку, куда безбашенную молодёжь обычно зазывают кличем типа: «Yes! Отрываемся без тормозов! Non stop!!!», Юра Титов с расклеенных по городу афиш приглашал так:

*Всё что можем, мы покажем,
Похихикаем, попляшем,
Дружно, весело spoём,
А потом домой пойдём!*

Мы же домой пока не хотели, а хотели есть и поэтому отправились на вторую праздничную площадку, которая устраивается у подножия памятника Козьме Удавину (если вы не знаете, это сбоковский террорист-народоволец, который неудачно взорвал Александра II и удачно одесского прокурора). Здесь было веселей. Народ выпивал, перетягивал канаты, дрался на мешках и кулаках и пел частушки. Но поесть нам и тут не удалось: очередь за шашлыками у террориста была ещё больше, чем у Ленина.

Мне хотелось сказать неторопливо передвигающим шампуры мужикам: «Мужики! Ну почему у нас всегда так? Почему нельзя было заранее приготовить шашлыков побольше? Почему я должен полчаса томиться в очереди, глядя на ваши равнодушные сытые физиономии?» И не сказал только потому, что вспомнил, как двадцать лет назад (господи, двадцать лет назад!), будучи студентом Челябинского политеха, работал в институтском кафе грузчиком. Точнее, числился грузчиком, а работал Балдой, выполняя кроме своих прямых обязанностей ещё массу других: месил тесто, крутил мясо, разливал по стаканам сок и проч.

И как-то в марте, облачившись в синюю атласную косоворотку и перевязав её красным кушаком, отправился выполнять очередное поручение: жарить шашлыки на Проводах русской зимы, где у нашего кафе была выездная торговля. Кроме меня в выездной торговле принимала участие буфетчица Зоя, в обязанности которой входили расчёты с покупателями.

Едва мы начали располагаться, как Зоя отлучилась к неким знакомым и вернулась оттуда подозрительно повеселевшая. Потом отлучилась ещё раз, потом ещё, и каждый раз становилась всё веселей и веселей. Наконец, прихватив несколько шампуров, она сказала, чтобы я поторговал самостоятельно и не боялся, сложного тут ничего нет. Главное запомнить: вот эти шашлыки для всех, а вот эти, отложенные, для своих и для начальства. А она скоро вернётся, и если кто-то спросит её, чтоб я так и сказал: «Зоя здесь и скоро вернётся».

Отложенные шашлыки кончились довольно быстро, ибо тут как раз подгрехала наша студенческая гоп-компания, пришедшая проведать меня, отдохнуть и выпить пива (правда, я подозреваю, Зоя не этих «своих» имела ввиду). Сложнее пришлось с покупателями. Они лезли со всех сторон, совали деньги и кричали: «Почему нельзя было приготовить всё заранее?! Почему мы должны полчаса стоять в очереди?! Посмотрите, какую харю наел, а до людей ему дела нет! Торгаши проклятые!»

Мне хоть и неприятно было слышать про харю, всё же я пытался объяснить, что являюсь студентом и к торгошам прямого отношения не имею, что Зоя куда-то ушла, а я не успеваю всех обслужить, что если мне не будут мешать, дело пойдёт быстрее. Но мои уговоры действовали мало. И в какой-то момент вдруг стало ясно, что надо просто отрешиться от происходящего: кричат, ну и пусть кричат. И я стал преспокойно жарить шашлыки, продавая их по мере приготовления.

А «торгаши», что «торгаши»? Это можно пережить. Мой школьный товарищ Игорь Давыдов торговал однажды в Курске черешней. Вообще-то, он тогда тоже был студентом, учился в Мелитопольском сельхозинституте. Но украинский город Мелитополь имел обыкновение каждый год, едва только поспевал урожай, чуть не всем населением, набив до отказа корзины и чемоданы продукцией своих приусадебных хозяйств, а заодно и близлежащих колхозов, отправляться на российские рынки зарабатывать «гроши» (не в смысле «копейки», а в смысле «деньги», по-украински – «гроши»).

– Шо ты будешь здесь один сидеть? – сказал Игорю его мелитопольский друг. – Всё равно никого нет. Поехали поможешь.

И тот поехал. И вот поставили его в Курске продавать на базаре черешню.

– Почём? – спросил подошедший мужик.

Давыд ответил.

– Посмотрите что делается! – мужик в поисках поддержки огляделся по сторонам. – Совсем «урюки» совесть потеряли!

– Какие «урюки»? – опешил Давыд. – Вы чего?

– Что такое, что случилось? – зашумели вокруг.

– Да вон чёрные понаехали, обирают русский народ!

– Вы чего? – повторял Давыд. – Какие чёрные вас обирают? Это я вас... в смысле, продаю. Русский я!

Но его никто не слушал. И Давыд, раз такое дело – «урюки» так «урюки» – стал отвечать с вызовом и, главное, с акцентом:

– Нэ хочешь – нэ бэри!

А вы говорите: «Торгаши!» Тоже мне повод обижаться.

Поэтому в Сбокове, глядя на равнодушных мужиков у мангала, я и не стал предъявлять им претензий: «Нэ хочешь – нэ бэри!»

Но голод, признаться, всё сильнее давал о себе знать. Как-то Полина, будучи ещё маленькой, сказала: «Я хочу есть, как волосатый конь». Вот примерно так мы и хотели. А поскольку счастливы, что ели вокруг нас, ели исключительно шашлык (ведь теперь на Масленицу принято есть не блины, а шашлык), решено было отправиться в одно загородное кафе, где неплохо готовят это русское национальное блюдо.

– Скажите, – спросили мы у официантки, – нам долго придётся ждать?

– Что у нас хорошо, – отвечала официантка, – мы почти сразу приносим заказ. Ну... максимум минут через десять.

Легко сказать десять минут, когда ты так голоден. В общем, надо запастись терпением. На исходе первого часа моё терпение лопнуло. Я решительно поднялся из-за стола и направился искать официантку, чтобы вытрясти из неё наш заказ.

Официантки нигде не было, зато везде висели таблички с предупреждением, что данное кафе принадлежит ассоциации Кёкусинкай каратэ, поэтому желание трясти официантку у меня постепенно прошло. «Всё равно рано или поздно она придёт, – философски думал я. – Зачем горячиться?» И действительно, всё равно она потом пришла, и хорошо, что горячиться я не стал. И мы, по старой русской традиции поев шашлыков, благопристойно проводили зиму и, соответственно, встретили весну.

На этой границе времён года, когда всё вокруг удивительным образом меняется, пришло неожиданное известие о переменах в «Васильевском»: оттуда выгнали Евсея, как было сказано, «за крупные взятки». Он, оказывается, таким образом перемещал арендаторов на более выгодные торговые места. Вот ведь что делал, оказывается – деньги брал! Совсем совести нет! Да я сто раз ему деньги предлагал, а он меня не переместил. Конечно, нет совести! Хотя, возможно, это из-за моей внешности, я, наверное, слишком прилично выгляжу. Но, товарищи, я не такой, я, может быть, совсем противоположный! И как же мне теперь быть?

Кстати, после ухода Евсея «туалетные» порядки не изменились. Это говорит о том, что правильно в своё время революционные социал-демократы учили террористов-народовольцев: дело не в личностях, а в системе!

Ну, о нас с Олей, пожалуй, всё. Дети.

У Ксении в конце мая экзамены. Мы всё время твердим ей об этом, но она, как нам кажется, за учебники садиться не торопится. А что делать, ругать? Но я сразу вспоминаю своего знакомого, которому маленькая дочь однажды призналась:

– Пап, когда мама меня ругает, я про неё думаю: «Дура-дура-дура-дура». А когда ты ругаешь, думаю: «Дурак-дурак-дурак-дурак».

Один экзамен у Ксении на выбор. На страноведении учительница строго спрашивает:

– Кто хочет сдавать экзамен по страноведению?.. Что, никто не хочет?

Все молчат.

– Никто?!

Молчат.

Учительница радостно подпрыгивает:

– Yes!!!

Полина готовится к поступлению в гимназию и учится произносить букву «р». Пугая нас, она рычит на всю квартиру: «окр-ружной пр-рокур-роп-р», «чер-репная кор-робка».

Когда у неё буква «р» получилась впервые, она начала визжать от радости, носиться по комнате и кричать:

– Логопед от счастья с ума сойдёт!

Письмо ваше, Гена, пришло, спасибо. Порадовались твоему призу. Читая описание церемонии вручения, я ловил себя на мысли, что нечто подобное уже слышал. И вспомнил когда. У нас один сбоковский журналист ездил в Москву получать приз как лучший стрингер (правильно написал?) года. Ситуация была примерно та же. Вручили приз и сразу забыли. Местная тусовка общалась, дарила друг другу подарки, потом отправилась к столам и от души веселилась. Единственное, что удалось счастливому победителю – это скушать в углу с трудом добытый бутерброд. Так что у них это в порядке вещей.

По поводу предыдущего твоего письма и звучных челябинских деревень Варна, Лейпциг, Париж, Фершампенуаз... Я ведь сам родом из Челябинской области, и это с детства знакомые

мне названия. Но всё же должен признать, что до Сбокова, в смысле звучности, им, конечно, далеко.

Тут как бы нарочно к нашему разговору присоединился местный краевед-любитель Вениамин Измestьев, который изучает старые переписные книги, выискивает интересные, на его взгляд, названия и публикует их на страницах сбоковской прессы.

Так, например, он решил проследить историю деревни Устранка, жители которой гордо сообщают, что ведут своё происхождение от людей «устранённых», сиречь беглых. Краевед-любитель покопался в переписных книгах и обнаружил, что не было тут никаких устрaнённых, а деревня с гордым названием Устранка спокон веку писалась без буквы «т», и таких деревень только в этом районе было аж четыре. Боюсь, местные жители не примут исторических изысканий г-на Измestьева: кому ж захочется вместо непокорных отшельников, бунтовщиков оказаться обычными...

Также краевед-любитель сообщил о деревнях Болваны, Обдиралы, Полоумовщина, Безтолковы, Безштаны (обе так и пишутся через букву «з»). А ещё исследовал имя деревни Пердяча, смело предположив, что происходит оно от слова «переть», то есть красть. Но сдаётся мне, что глагол от названия сей уважаемой деревни будет звучать несколько по-иному.

Но это цветочки. Неутомимый Вениамин рассказал, что в Шемском районе сохранились воспоминания о деревне... как бы это сказать. Помнишь, прошлый раз я писал о деревне Бздюли? Так вот, если убрать «бз» и подставить «пиз», то получится искомое название. А далее, смущённо устранившись (не забыть бы ненароком про букву «т»), я предоставляю слово непосредственно автору.

«Деревня эта, – написал в газете краевед, – всегда славилась хорохористыми, драчливыми парнями и мужиками. П...здюлёвские-то (автор ничтоже сумняшеся пишет это слово целиком, ибо чего стесняться: есть мужики трифоновские, есть, скажем, заречные, а эти – п...здюлёвские) лихи были: и жердью через всю спину опояшут, и кол с огорода для чужой башки не пожалеют. Ослабевшие соперники трусливо, огородами бежали в свои деревни: Пердуны (в статматериалах 1887 года под № 1442), Сики (№ 1426) и Нужник (№1390)».

Вот тебе, Гена, Париж и Фершампенуаз... Кому-то суждено жить между Парижем и Фершампенуазом, а кому-то меж Бздюлями и П...здюлями.

С тем остаюсь искренне ваш

Эдуард Сребницкий.

P.S. Конец апреля, но сегодня с ночи стеной идёт снег, и утром я пробирался к машине буквально по сугробам. Ох, и длинны же у нас зимы.

Глава 7

Здравствуйтесь, Гена, здравствуйтесь, Таня!

Не знаю, получили вы моё прошлое письмо или нет, когда буду отправлять это, попытаюсь выйти с Геной на связь. А я во второй половине августа, словно прилежный ученик, пишу вам сочинение на тему «Как я провёл лето».

Вообще-то, лето мне нравится. Солнце светит, травка зеленеет, птички щебечут, и всякое такое. Но кроме того, становится гораздо меньше работы: у нас сезонное затишье. Первые годы я по сей причине очень расстраивался. Ещё бы, каждый месяц приносит такие убытки! И я лихорадочно что-то придумывал, давал рекламу, а попросту суетился. Потому что мои отчаянные шаги ни к чему не приводили: убытки на сытных летних пастбищах всё равно набирали вес и лишь лениво отмахивались от моих назойливых попыток хоть как-то воздействовать на них.

Но лето кончалось, и с наступлением первых холодов убытки неизменно останавливались в росте, потом начинали худеть, а к зиме пропадали вовсе. И я успокоился. Я научился летом ходить в отпуск, а также выделять время для личных занятий.

О, это прекрасно – выделять время для личных занятий! Это замечательно! И поскольку в нынешнем году такой возможности мне не представилось, мне это кажется замечательным вдвойне. А о том, что такой возможности у меня не будет, я знал уже весной. Ибо впереди меня ждало дело. И дело это было ремонт.

У каждого из нас с ремонтом связаны свои богатые воспоминания, каждый из нас через это проходит и старается поскорее забыть. И вроде бы, забывает, вроде бы, живёт далее счастливой размеренной жизнью. Но, чу! Слышите, заскрипели половицы расколотого пола, видите, в углу отлетели обои? Это он, ремонт, неизбежный и беспощадный, как весенний авитаминоз, напоминает нам о себе. Он пока ещё далеко, он терзает кого-то другого, но он вернётся, когда-нибудь всё равно вернётся, и горе тому, кто окажется не готов ко встрече с ним.

Я готовился. Я настраивался, я прикидывал объём работ. Если меня посещала малодушная мысль отложить всё до следующего года, я гнал её, я распял в душе злость и заставлял себя ненавидеть облупившиеся окна и потемневшие потолки.

Как-то я уже делал ремонт в этой квартире, лет пять назад, когда мы только сюда переехали. До нас здесь проживала некая Людмила Покоулина со своим сожителем Аликом. Покоулина торговала на улице овощами и злоупотребляла спиртным, а потому квартирой не занималась. Алик спиртным не злоупотреблял, несмотря на свой кипучий характер не работал, жил на деньги Покоулиной и к обустройству быта склонности тоже не имел.

Квартира их, соответственно, представляла зрелище малоприятное: на кухне отлетала грязная кафельная плитка, в местах отопления и водопровода гуляли стада непуганых мокриц, в разбитые окна дул свежий ветер, а во всю ширину стен красовались надписи, оставленные подругами старшего Людмилиного сына, служащего ныне на Сахалине вертолётчиком: «Спасибо за ночи полные нежности и любви!!!» Нежность нежностью, но при обмене я прикидывал, что разгрести здесь придётся немало.

Пока мы с хозяйкой обговаривали условия обмена, в которые входила и оплата коммунальных услуг за последние три года, Алик брал меня в оборот. Он сказал, что тоже бизнесмен (с чего-то он взял, что я бизнесмен, а впрочем, тогда все были бизнесмены), и если у меня есть коммерческие предложения на длительный период, он готов их рассмотреть. А у нас тогда мёртвым грузом лежала мука, и её нужно было куда-то сбывать.

– Не знаю как насчёт длительного периода, – сказал я, – но если продашь муку, получишь комиссионные.

Алик заверил, что, конечно, муку он продаст. Завтра же заберёт, а потом вернёт мне деньги. Он серьёзный бизнесмен, и я могу не волноваться. Но волноваться я не собирался, потому что без оплаты даже такому серьёзному бизнесмену ничего бы не дал и высказал это со всей ясностью. Алик приуныл.

– А почему, – стало интересно мне, – ты овощами-фруктами не торгуешь?

Я забыл сказать, что Алик был азербайджанец, а, как известно, среди прочих достоинств этого народа есть и непревзойдённое умение обращаться с таким деликатным товаром как плодовоовощная продукция.

– Скоро буду, – встрепенулся он. – Земляки обещали дать товар на реализацию, они знают, что я серьёзный бизнесмен.

К моему удивлению земляки, действительно, вскоре дали ему товар на реализацию. Алик открыл собственный овощной киоск, солидно ходил рядом, а Покоулина торговала внутри. Я заглядывал из интереса: продукция имела сомнительный вид, и покупателей, по крайней мере при мне, не наблюдалось. Овощное дело загнивало на корню.

Тогда Алик лавочку прикрыл, и земляки начали его искать. (Это я знаю со слов своего бывшего соседа, Покоулины ведь переехали в мою прежнюю квартиру). Земляки приходили, колотили в дверь, требовали денег и Алика. Но Алик исчез. И судя по тому как земляки горячились, сделал очень правильно. Встретил я его только через три года.

– Слушай, – сказал он, – у тебя мука ещё осталась?

– Доели недавно, – сострил я.

– Жалко. А то у Люды старший сын, вертолётчик, бизнесом занялся. Придумал возить отсюда на Сахалин по низким тарифам, как будто военное имущество, продукты и шмотки. Продаёт там японцам, а обратно гонит машины. Понял? Выгодно! Может, у тебя ещё что-нибудь есть? Мы ему отдадим, а деньги я потом верну. Ты меня знаешь.

– Заманчиво, – сказал я, – но ничего сейчас нет.

– Жалко. Если появится, ты меня найди.

– Обязательно.

Потом я встретил Алика ещё раз, и опять он меня спрашивал про муку и расписывал прелести своих коммерческих мероприятий. И хотя ни один наш совместный бизнес-проект не был реализован, я всегда рад Алика видеть, потому что бережно храню в душе одно связанное с ним светлое воспоминание, которое, как настоящее золото, не тускнеет с годами.

Алик ещё оставался в проданной квартире, а мы уже стали постепенно перевозить туда вещи, и вначале с моим другом Мишей (который из письма про грузди) повезли книги. Подняв первую партию, сложили её на газеты в две большие стопки.

– Что за книги? – спросил Алик. – Твои? Зачем тебе столько?

– Читать.

– Ну ты даёшь, – хохотнул Алик.

Мы с Мишей спустились вниз и принесли ещё столько же.

– Ещё?! – вытаращил глаза Алик.

И смех его содержал столько искренности и недоумения, что от души развеселил и нас.

Когда мы принесли книги опять, Алик стал даже не хохотать, а натурально повизгивать, настолько это показалось ему уморительным. Он подошёл и, не в силах успокоиться, водил пальцем по рядам книг, утирая выступающие слёзы. А мы, глядя на него, тоже давились от смеха.

В четвёртый раз, подойдя к двери, мы долго не могли переступить порог от сотрясающего нас хохота, представляя, что сейчас с Аликом будет. И не ошиблись. Увидев нас, он согнулся наполовину и минут десять не мог прийти в себя. А рядом, уронив книги, корчились от смеха мы.

– Это... всё тво... твоё? – еле выговаривал он.

- Мо... моё, – выдавливал я.
- Чи... читать?
- А... ага...

И мы падали по разные стороны от составленных томов.

Но чтобы перенести все книги, взрослые и детские, нам надо было сделать ещё несколько рейсов, и я до сих пор не понимаю, как мы с Аликом остались живы. И это при том, что библиотека у меня очень и очень скромная.

Вот почему, завидев теперь Алика, я не стараюсь избежать встречи с ним, а напротив, широко улыбаясь, иду навстречу, хотя безошибочно могу сказать, что разговор у нас сейчас пойдёт о муке, которой у меня, увы, давно нет. И я даже прощаю ему то, что выезжая из квартиры, он снимал не только все до единой лампочки, но и патроны, куда эти лампочки должны вкручиваться, чего мы никак не ожидали и вынуждены были провести первый вечер в новом доме при свете фонариков и настольной лампы.

Но вернёмся к ремонту. Конечно, мы многое тогда сделали. Мы отремонтировали потолки, окна и стены, мы починили трубы и электропроводку, мы поменяли подоконники, сантехнику и двери. Но всё-таки это был ремонт не до конца, где-то на четвёрочку с минусом. Так, я даже не сменил пол из кривых и плохо струганных досок, оставшийся от старых хозяев. Хотел поменять, но не успел до возвращения детей с каникул, а потом не стал.

Дело в том, что в то время я начинал более-менее неплохо зарабатывать. Казалось, так будет всегда, и лет через пять мы, безусловно, переедем в новую, более престижную квартиру. И всем гостям говорил – и тебе, помнится, Гена, тоже, – что, мол, не обращайтесь внимания, потому как зачем делать пол, если отсюда всё равно уезжать: мы ведь отсюда собираемся уезжать. И все с пониманием кивали: конечно-конечно, зачем делать, если всё равно уезжать!

Но шли годы, и мои рассказы о грядущем переезде стали отдавать некоторым однообразием. Гости кивали с пониманием, но что-то в их понимании меня начало настораживать, что-то не то они понимали. Словно это были не мои ближайшие планы, а рассказы о каком-нибудь несуществующем дядюшке-миллионере из Америки.

Гости кивали и ступали по квартире очень осторожно, боясь занозить ноги или порвать колготки о наш луцистый пол и деликатно старались не замечать местами уже отлетевшую шпатлёвку и потёртые обои. А мы с Олей вели себя непринуждённо и старались не замечать, как они этого стараются не замечать. Ну зачем, скажите на милость, делать ремонт, если мы отсюда – да ведь, милая? конечно, дорогой! – скоро переедем.

И всё же не гости подвигли меня к новому ремонту – в конце концов они бывают у нас не каждый день. А подвигли, как это ни странно, врачи. Те, которые приходят по вызову к заболевшим детям.

У нас есть участковый педиатр с экзотической фамилией Папетти. Его отец, Николо Папетти, итальянский коммунист, переехал в пятидесятых годах теперь уже прошлого века в страну своей мечты Советский Союз. Здесь итальянский коммунист со временем женился, и у него родился сын, которого в честь итальянского дедушки назвали Массимо. Когда сын вырос, он стал нашим участковым педиатром Максимом Николаевичем Папетти.

Плотный и румяный, как наливное яблоко, Максим Николаевич являет собой пример беззаветного служения профессии. Он хороший доктор, хороший мужик и имеет, пожалуй, только один существенный недостаток (если не считать привычки при каждом удобном случае прихвастнуть, что, впрочем, присуще каждому мужчине): чрезмерную говорливость. И если вы человек новый, не знаете об этой слабости Максима Николаевича, или слишком деликатны, чтобы прервать уважаемого собеседника, вы рискуете слушать его вечно, и напрасно ваш ребёнок будет дёргать вас за руку, упрашивая поиграть с ним, или, голодный, орать на весь дом – в пылу красноречия Максим Николаевич ничего этого не заметит.

Мы с Олей вспоминаем, как старшая дочь Ксюша была ещё маленькой, только-только начала ходить, а говорить и вовсе не умела, изъясняясь лепетом и жестами. И когда после очередного осмотра Максим Николаевич у порога минут пятнадцать нам о чём-то рассказывал (он обычно уходит так: возьмётся за ручку двери, потом отпустит её и долго говорит, потом опять возьмётся за ручку, даже нажмёт на неё, мы попросимся, а он вновь ручку отпустит и говорит снова), Ксюшка, не зная, как прервать неумолкающего дядю, в отчаянье выскочила вперёд и, провожая, замахала, замахала ему рукой. Мы смущённо засмеялись, сказали, что, Ксюшенька, так нехорошо делать, дядя сейчас сам уйдёт. И Папетти тоже улыбнулся и сказал:

– Ну, вот, надо идти, Ксюха меня уже провожает. До свидания, до свидания.

– До свидания, – сказали мы.

Папетти взялся за ручку, а потом отпустил её и говорил ещё столько же.

Такой Максим Николаевич Папетти. Так вот, речь не о нём.

...По поводу последней фразы, кстати, есть история. Один мой знакомый, Андрюха, будучи как-то в Париже, пришёл с компанией друзей пообедать в ресторан. И, открыв меню, задумался, как сделать заказ? Ибо ни по-французски, ни по-английски ни читать, ни говорить не умеет.

И тогда Андрюха начинает официанту объяснять.

– Мясо. Понимаете? Мясо.

Официант стоит, предупредительно-вежливо на него смотрит и не понимает.

– Как по-французски «мясо»? – спрашивает Андрюха у друзей.

Те не знают.

– А по-английски?

Те пожимают плечами, они просто ткнули в меню пальцем.

– Ну, как тебе объяснить? – Андрюха опять поворачивается к официанту. – Мясо, блюдо из мяса.

Официант стоит, вежливо улыбается.

– Господи, что непонятного? Вот! – осеняет Андрюху. – У них!

И показывает на тарелки за соседним столиком, где люди едят что-то мясное.

– О, си, – расплывается в улыбке официант.

Он понял, «мясо», и произносит фразу по-французски, спрашивая, очевидно, какое именно мясо?

Андрюха откашливается.

– Свинина. Знаешь, свинина?

Официант не знает.

– Свинина, свинка, хрю-хрю. Ну «хрю-хрю»-то ты должен понимать!

Тот не понимает, очевидно, по-французски свинки хрюкают как-то иначе.

– Свинья, такая упитанная.

И, как это водится, показывает на себе. Официант пристально Андрюху разглядывает.

– Да не я! – горячится тот.

Посетители заведения начинают оборачиваться.

– Свинья, с пяточком, – крутит Андрюха кулаком вокруг носа.

Официант смотрит на Андрюхин нос.

– С таким закрученным хвостиком, – показывает Андрюха.

Официант в смущении.

– Не у меня!

– О! – вскрикивает уже официант.

Убегает и возвращается с листом бумаги.

– Конечно! – восклицает Андрюха.

Берёт лист и как может рисует на ней свинку: толстую, с пяточком, с хвостиком.

– О! – кричит радостный официант. – Си, си. – И хрюкает, как принято хрюкать у французских свиней.

– Вот именно! – кричит Андрюха, обрадованный, что начинает понемногу понимать французский, и очень похоже хрюкает в ответ.

– Хр-р, – хрюкает официант.

– Хр-р, хр-р, – вторит ему Андрюха.

Чуть они не обнялись.

– Момент, – говорит официант и бежит на кухню.

– Стой! – кричит Андрюха и машет рукой. – Иди сюда.

Официант с полпути возвращается.

– ТАК ВОТ, – говорит Андрюха и размашисто перечёркивает только что нарисованную им свинью. – СВИНИНЫ НЕ НАДО!

Официант несколько секунд на него смотрит, потом в задумчивости идёт на кухню. Через пару минут оттуда раздаётся дружный продолжительный гогот.

ТАК ВОТ, речь не о Максиме Николаевиче. Он упомянут здесь постольку, поскольку последнее время учится на семейного доктора, о чём мы, разумеется, в подробностях извещены, и периодически оставляет наш участок, отправляясь на занятия и экзамены. А замечают Папетти другие врачи, с нами не знакомые. С приходом зимы дети начали простывать, и приходящие врачи, с сочувствием оглядывая детскую комнату, всё норовили выписать нам лекарства подешевле.

А надо сказать, что детская комната действительно была способна выдавить у случайного гостя слезу жалости. Обои, в других комнатах сохраняющие до некоторой степени приличный вид, в детской, вследствие выпавших на их долю испытаний, были весьма потрёпаны. На некоторых виднелись следы раннего и более позднего Полининого творчества, исполненного фломастером, или просто попавшим под руку предметом. Комод и шифоньер были сплошь улеплены наклейками от конфет и жевательной резинки. Кресло, чья ткань к удивлению детей оказалась менее прочной, чем у батута, являло пример изумительного бабушкиного рукоделия, которая в один из своих приездов залатала его симпатичными обрезками от штор. На паласе распластались несмываемые пластилиновые пятна. Из-под паласа торчали кривые половиные доски.

Я ловил во время таких визитов сочувственные взгляды докторов и думал, что если уж врачи, получающие в нашей стране мизерные заплаты, да ещё нерегулярно, начинают нас жалеть, то может быть, и вправду, стоит сделать кое-какой косметический ремонтец, так, небольшой, чтобы только дотянуть до счастливого переезда в хоромы. И дал себе слово нынешним летом начать. Или, как говорят наши чиновники – «начать», с ударением на первый слог.

Не то чтобы за последние пять лет мы не могли переехать. Могли. Но это был бы обмен того, что имеем, на примерно то, что имеем. А мне к текущему периоду жизни страсть как надоели многоэтажные дома бездворового типа.

Хотя, конечно, я слишком привык ко всему, что с ними связано: к своему исключительному праву вкручивать лампочки на лестничной площадке, к ночным крикам этажом ниже, к постоянному туалету на лестницах, к грязи у подъезда и к ремонту своей машины, в которую за зиму пару раз кто-нибудь да въедет на узкой стоянке у дома.

Боюсь даже, я буду об этом первое время скучать. Но думаю, привыкну, переборю себя. Да, я чувствую, что справлюсь! И уже сейчас начну готовиться.

Тем более, времени осталось не так много. Лет пять. Да ведь, милая? Конечно, дорогой! А пока. Пока надо делать ремонт.

Эдуард Сребницкий.

Глава 8

Здравствуйтесь, дорогие Григорьевы!

Начать ремонт мы решили с поиска того, кто будет его делать. О, это не просто – найти тех, кто будет делать вам ремонт! У меня в этом плане богатый опыт.

Помню, ещё в старой квартире, я решил выложить на кухне плитку. По объявлению в газете «Облицовка плиткой качественно и быстро» к нам пришёл один хмырь: сутулый, тощий, с недобрым взглядом, большим носом и сильным насморком – колоритный такой хмырь, и заявил, что это именно он делает облицовку качественно и быстро. «Ну, что ж, – подумали мы, – в конце концов, почему бы ему не делать облицовку?» И легкомысленно предоставили кухню. Да ещё накормили обедом: неудобно как-то, человек весь день голодный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.